

**ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ.**

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ЕВГЕНІЙ ОШЕГІНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

1833.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Съ дозволенія Правительства.

Изданіе книгопродавца Смирдина.

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

ЕВГЕНИЙ ОШЕРШЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И жить поропись, и чувствовашь спъшишь.
К. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
«Когда не вшутку занемогу,
«Онъ уважать себя заставиль,
«И лучше выдумать не могъ;
«Его примѣръ другимъ наука:
«Но, Боже мой, какая скука
«Съ больнымъ сидѣть и день, и ночь,
«Не отходя ни шагу прочь!
«Какое низкое коварство
«Полуживаго забавлять,
«Ему подушки поправлять,
«Печально подносить лекарство,
«Вздыхать и думать про себя:
«Когда же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Лета въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ. —
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа
Безъ предисловій сей же часъ
Позвольте познакомить васъ:
Онъгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на берегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня ¹.

III.

Служивъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ;
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва *Madame* за нимъ ходила,

Потомъ *Monsieur* ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему, шутя;
Не докучалъ моралью строгой;
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной:
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ *Dandy*² Лондонскій, одѣтъ:
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-Французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ;
Легко мазурку танцевалъ,
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

*

V.

Мы всё учились понемногу,
Чемунибудь и какъ нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ.
Имѣлъ онъ счастливый талантъ
Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка,
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ неожиданныхъ эпиграммъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *vale*,

Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.

Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли:

Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорей,
Какъ мы ни бились, отличить.
Бранилъ Гомера, Феокрита;
За то читалъ Адама Смита,
И былъ глубокой экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣеть,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣеть.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгеній,
Пересказать мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь, —
Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежной
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей.

IX.

.....
.....
.....

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
Танть надежду, ревновать,
Разувѣрять, заставить вѣрять,

Казаться мрачнымъ, изнывать,
Являться гордымъ и послушнымъ,
Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!
Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блесталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь — и вдругъ

Добиться тайнаго свиданья,
И послѣ ей наединѣ
Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
Сердца кокетокъ записныхъ!
Когда жъ хотѣлось уничтожить
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ язвительно злословилъ!
Какія сѣти имъ готовилъ!
Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оставались вы друзья:
Его ласкалъ супругъ лукавый,
Фобласа давній ученикъ,
И недовѣрчивый старикъ,
И рогоносецъ величавый,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

.....
.....
.....

XV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ:
Къ нему записочки несутъ.
Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовутъ:
Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
Куда жъ поскачетъ мой проказникъ?
Съ кого начнетъ онъ? Все равно:
Вездѣ поспѣть немудрено.
Покаместъ, въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ ³,
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ,
И такъ гуляетъ на просторѣ,
Пока недремлющій Брегетъ
Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно: въ санки онъ садится.
«Поди! поди!» раздастся крикъ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.
Къ *Talon* ⁴ помчался: онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его ***.

Вошелъ: и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнуль токъ,
Предъ нимъ *Rost-beef* окровавленный,
И трюфли — роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучшій цвѣтъ, —
И Стразбурга пирогъ нетлѣнный
Межъ сыромъ Лимбургскимъ живымъ
И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда просить
Залить горячій жиръ котлетъ;
Но звонъ Брегета имъ доносить,
Что новый начался балетъ.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулисъ,
Онѣгинъ полетѣль къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать *Entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ молодой Семеновой дѣлилъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой:
Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Всѣ тѣ же ль вы? Другія ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли Русской Терпсихоры

Душой исполненный полетъ?
Иль взоръ унымый не найдетъ
Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
И, устремивъ на чуждый свѣтъ
Разочарованный лорнетъ,
Веселья зритель равнодушной,
Безмолвно буду я звать
И о быломъ вспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла, все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружить,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола;
То стань советъ, то разовѣтъ,
И быстрой ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаетъ. Оиѣгинъ входитъ:
Идетъ межъ кресель по ногамъ,
Двойной лорнетъ, скосясь, наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланяся, потомъ на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
Отворотился, и зѣвнулъ,
И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну;
Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ» ⁵.

XXII.

Еще амурь, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ;
Еще усталые лакеи
На шубахъ у подъѣзда спятъ;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;

Еще снаружи и внутри
Вездѣ блистають фонари;
Еще, прозябнувъ, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокругъ огней,
Бранятъ господъ и бьютъ въ ладони:
А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ;
Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изобразу ль въ картинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуеть Лондонъ щепетильной
И по Балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возить намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаеть для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной, —
Все украшало кабинетъ
Философа въ осмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на столъ,
И, чувство изнѣженныхъ отрада,
Духи въ граненомъ хрусталѣ;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямья ножницы, кривыя,
И щетки тридцати родовъ —
И для ногтей, и для зубовъ.
Руссо (замѣчу мимоходомъ)
Не могъ понять, какъ важный Гримъ
Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ⁶:
Защитникъ вольности и правъ
Въ семь случаевъ совсѣмъ неправъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей:
Къ чему бесплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай деспотъ межъ людей.
Второй ***, мой Евгенийъ,
Боюсь ревнивыхъ осужденій,

Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали Франтъ.
Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
Предъ зеркалами проводилъ,
И изъ уборной выходилъ
Подобный вѣтренной Венерѣ,
Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
Здѣсь описать его нарядъ;
Конечно бѣ это было смѣло,
Описывать мое же дѣло:
Но *панталоны, фракъ, жилетъ*,
Всѣхъ этихъ словъ на Русскомъ нѣтъ;
А вижу я, винюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣтъ гораздо меньше бѣ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметъ:
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской каретъ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливаютъ свѣтъ,
И радуги на снѣгъ наводятъ;
Усыанъ плошками кругомъ,
Блестить великолѣпный домъ;
По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
Мелькаютъ профили головъ
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подъѣхалъ къ сѣнямъ;
Швейцара мимо, онъ стрѣлой
Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
Расправилъ волоса рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремѣть устала;

Толпа мазуркой занята;
Кругомъ и шумъ, и тѣснота;
Брячатъ кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрыпокъ заглушенъ
Ревнивый шопотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума:
Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма.
О вы, почтенные супруги!
Вамъ предложу свои услуги;
Прошу мою замѣтить рѣчь:
Я васъ хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, построже
За дочерьми смотрите вслѣдъ:
Держите прямо свой лорнетъ!
Не то... не то избави, Боже!
Я это потому пишу,
Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разных забавы
Я много жизни погубилъ!
Но если бъ не страдали нравы,
Я балы бъ до сихъ поръ любилъ.
Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманнѣй нарядъ;
Люблю ихъ ножки: только врядъ
Найдете вы въ Россіи цѣлой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
Ахъ, долго я забыть не могъ
Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлой,
Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ тревожатъ сердца мнѣ.

XXXI.

Когда жъ, и гдѣ, въ какой пустынѣ,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ, ножки, ножки! Гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнете вѣшніе цвѣты?
Взлелѣяны въ восточной нѣгѣ,
На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ

*

Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для васъ я забывалъ
И жажду славы, и похвалъ,
И край отцевъ, и заточенье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ —
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ.

XXXII.

Діаны грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду,
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условною красой
Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весной на муравъ луговъ,
Зимой на чугуны камина,
На зеркальномъ паркете залъ,
У моря на гранитъ скалъ.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда средь пылкихъ дней
Кипящей младости моей
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста молодыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланитъ,
Иль перси, полный томленьемъ;
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя,
И ножку чувствую въ рукахъ;
Опять кипитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье

Зажгло въ увядшемъ сердцѣ кровь,
Опять тоска, опять любовь...
Но полно прославлять надменныхъ
Болтливой лирою своей:
Онѣ не стоять ни страстей,
Ни пѣсенъ, ими вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы, какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ:
А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробуждѣнъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
На биржу тянется извощикъ,
Съ кувшиномъ Охтенка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный,
Открыты ставни, трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, Нѣмецъ акуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой *васисдасъ*.

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленной,
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спить въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра тоже, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгеній,
Свободный, въ цвѣтъ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди всеневныхъ наслажденій?
Вотще ли былъ онъ средь пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ: рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ:
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надѣли,

Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и Стразбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова:
И хоть онъ былъ повѣса пылкой,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный Англійскому *сплину*,
Короче: Русская *хандра*
Имъ овладѣла понемногу;
Онъ застрѣмиться, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ:
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
Какъ *Child-Horald*, угрюмый, томный
Въ гостиныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взлядъ, ни вздохъ нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего.

.....
.....
.....

XLII.

Причудницы большаго свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ.
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама;
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хоть невинный вздоръ.
Къ тому жъ онъ такъ непорочны,
Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ раждаетъ сплинь ?

XLIII.

И вы, красотки молодья,
Которыхъ поздною порой
Уносятъ дрожки удалья

По Петербургской мостовой,
И васъ покинулъ мой Евгенийъ.
Отступникъ бурныхъ наслаждений,
Онѣгинь дома заперся,
Зѣвая, за перо взялся,
Хотѣлъ писать: но трудъ упорный
Ему былъ тошень; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цехъ задорный
Людей, о коихъ не сужу,
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова, преданный бездѣлю,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлю
Себѣ присвоить умъ чужой;
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредить новизна.

Какъ женщина, онъ оставилъ книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задержнулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Сльпой Фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней:

Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянье грызеть.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ; но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И злости мрачныхъ эпиграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою ³,
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Вспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленой изъ тюрмы
Перенесенъ колодникъ сонной,

Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
И опершися на гранитъ,
Стоялъ задумчиво Евгенийъ,
Какъ описалъ себя Пинтъ ?
Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые;
Да дрожекъ отдаленный стукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ:
И насъ плѣняли вдалекъ
Рожекъ и пѣсня удалая.
Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адріатическія волны,
О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашу волшебный гласъ!

Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италіи златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ Венеціянкою молодой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ, —
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! — взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ ¹⁰, жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь, съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный брегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей ¹¹,
Вздыхать о сумрачной Россіи,

Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ.

II.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Отецъ его тогда скончался.
Передъ Онѣгинымъ собрался
Займодавецъ жадный полкъ.
У каждаго свой умъ и толкъ:
Евгеній, тяжбы ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалика
Кончину дяди старика.

III.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Отъ управителя докладъ,
Что дядя при смерти въ постелѣ
И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
Прочтя печальное посланье,

Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ
И ужъ заранѣ зѣваль,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ
(И тѣмъ я началъ мой романъ);
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашель ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

ЛШ.

Нашель онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойнику со всѣхъ сторокъ
Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Попы и гости ѣли, пили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,

И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій, роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ,
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть пѣть ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глуши звучнѣе голосъ лирной,
Живѣе творческіе сны.
Досугамъ посвятятся невиннымъ,

Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
И *far niente* мой законъ.
Я каждыиъ утромъ пробужденъ
Для сладкой вѣги и свободы:
Читаю мало, много сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не такъ ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши
Мои счастливейшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ, —
Какъ будто намъ ужъ невозможно

Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ послѣ Муза оживила:
Такъ я, безпечень, воспѣвалъ
И дѣву горь, мой идеаль,
И плѣнницъ береговъ Салгира.
Теперь отъ васъ, мои друзья,
Вопросъ не рѣдко слышу я:
«О комъ твоя вздыхаетъ лира?
«Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
«Ты посвятилъ ея напѣвъ?»

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
«Умильной лаской наградишь
«Твое задумчивое пѣнье?
«Кого твой стихъ боготворилъ?» —
И, други, никого, ей Богу!

*

Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горлячку рифмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
Поэзіи священный бредъ,
Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

ЛІХ.

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ,
Близъ неоконченныхъ стиховъ,
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ,
Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ:

Тогда-то я начну писать
Поэму, пѣсенъ въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову.
Покаместъ моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.
Ценсурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съѣденье
Плоды трудовъ моихъ отдамъ:
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье!
И заслужи мнѣ славы дань —
Кривые толки, шумъ и брань!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О рус!

Hor.

О Русь!

I.

Деревня, гдѣ скучаль Евгений,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы Небо могъ.
Господскій домъ, уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ
И сѣни расширялъ густыя
Огромный, запущенный садъ,
Приютъ задумчивыхъ Дриадъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
Какъ замки строиться должны:
Отменно прочень и спокоень,
Во вкусъ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофные обои,
Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ израсцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю, право, почему:
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожиль
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,

Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашель тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водою,
И календарь осьмага года;
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ инья книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгенийъ
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ;
Мужикъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его расчетливый сосѣдъ.
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ:
Что онъ опасѣйшій чудакъ.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
 Но такъ какъ съ задняго крыльца
 Обыкновенно подавали
 Ему Донскаго жеребца,
 Лишь только вдоль большой дороги
 Заслышать ихъ домашни дроги: —
 Поступкомъ оскорблясь такимъ,
 Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
 «Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
 «Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
 «Стаканомъ красное вино;
 «Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
 «Все да, да *нѣтъ*, не скажетъ *да-съ*
 «Иль *нѣтъ-съ*» Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ,
 И столь же строгому разбору
 Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ.
 По имени Владиміръ Ленскій,
 Съ душою прямо Геттингенской,

Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника;
Что есть избранныя судьбою
.....
.....
.....
.....
.....

IX.

Негодованье, сожаленье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтъ;
Подъ небомъ Шиллера и Гете,

Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ.
И Музь возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ;
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туману даль,
И романтическiя розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лились его живыя слёзы;
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынь, гдѣ одинъ Евгеній
Могъ оцѣнить его дары,
Господь сосѣдственныхъ селеній
Ему не нравились пиры;
Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумный
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно не блисталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнѣмъ,
Ни острою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ:
Таковъ обычай деревенскій;
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полурусскаго сосѣда;
Взойдетъ ли онъ — тотчасъ бесѣда

Заводить слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовуть сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай,
Ей шепчуть: «Дуня, примѣчай!»
Потомъ приносятъ и гитару:
И запищитъ она (Богъ мой!):
Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!... ¹²

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
Охоты узы брака несть,
Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно
Знакомство покороче свестъ.
Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.
Сперва взаимной разнотой
Они другъ другу были скучны;
Потомъ понравились; потомъ
Съѣжались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди — первый каюсъ я —
Отъ дѣлать нечего — друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
Всѣ предразсудки истребля,
Мы почитаемъ всѣхъ — нулями,
А единицами — себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноснѣ многихъ былъ Евгенийъ;
Хоть онъ людей конечно зналъ,
И вообще ихъ презиралъ;
Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ —
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово

Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придетъ;
Пускай покамѣстъ онъ живетъ
Да вѣритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все раждало споры
И къ размышленію влекло:
Племеньъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предрасудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ сужденій
Читалъ, забывшись, между тѣмъ
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И снисходительный Евгенийъ,
Хоть ихъ не много понималъ,
Прилѣжно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онѣгинь говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ; порой
Зѣваль съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не ввѣрялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своевольство, иль порывы
И запоздалые отзывы: —

Смиренные не безъ труда,
Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный
И намъ онъ сердце шевелить;
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонить слухъ прилѣжный
Расказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость,
Она готова разболтать.
Въ любви считаясь инвалидомъ,
Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя;
Свою доврчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ.
Евгеній безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть,
Обильный чувствами расказъ.
Давно не новыми для насъ.

*

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣненный,
Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,

И дѣтямъ прочили вѣнцы
Друзья - сосѣди, ихъ отцы.
Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ глухой,
Ни мотыльками, ни пчелою.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ,
И мысль объ ней одушевила
Его цвѣницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя!
Онъ рощи полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну —
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду....
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ. . . . но любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ,
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна. . . . ¹⁵
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жь? оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно

Воспоминанье старины
Иль дѣвичьей. Мы всё должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство — больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной,
Не привлекла бь она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто, цѣлый день одна,
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пальцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою, дитя
Приготавливается шутя
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нсю не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; странные рассказы

Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла,
Ей скучень былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долъ обладаетъ,
И долъ въ празднои тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли всё;
Она влюбилася въ обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкъ запоздалый;
Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла; ¹⁴
Но въ старину, Княжна Алина,
Ея Московская кузина,

Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по неволѣ;
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ;
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта,
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу.
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась;
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна стала.
Привычка свѣше намъ дана:
Замѣна счастію она. ¹⁵

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь —
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало, писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила на распѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И Руской Н какъ N Французскій

Произносить умѣла въ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, Княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла — стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На ватъ шлафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безопасно,
А самъ въ халатъ ѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходить время; между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить,
Тамъ ужинь, тамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины;
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились Русскіе блины.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Имъ квасъ, какъ воздухъ былъ потребенъ,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріямъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,

Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтьми и вѣрною женой,
Чистосердечнѣй чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
Смиренный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
Владиміръ Ленскій посѣтилъ
Сосѣда памятникъ смиренный,
И вздохъ онъ пеплу посвятилъ;
И долго сердцу грустно было.
«*Poor Yorick!*»¹⁶ молвилъ онъ уныло,
«Онъ на рукахъ меня держалъ.
«Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
«Его Очаковской медалью!
«Онъ Ольгу прочилъ за меня,
«Онъ говорилъ: дождусь ли дня?...»
И полный искренней печалью,

Владиміръ тутъ же начерталъ
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Отца и матери, въ слезахъ,
Почтилъ онъ прахъ патріархальной. . . .
Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ. . . .
Такъ наше вѣтренное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадедовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ!

XXXIX.

Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнью, друзья!
Ея ничтожность разумѣю,

И мало къ ней привязанъ я;
Для призраковъ закрыль я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Трвожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было бѣ грустно мѣръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Леть не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ — лестная надежда! —
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвить: то - то былъ Поэтъ!
Примижь мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,

О ты, чья память сохранить
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О рус!

Hor.

О Русь!

I.

Деревня, гдѣ скучаль Евгений,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы Небо могъ.
Господскій домъ, уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ
И сѣни расширялъ густыя
Огромный, запущенный садъ,
Приютъ задумчивыхъ Дриадъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
Какъ замки строиться должны:
Отменно прочень и спокоень,
Во вкусъ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофные обои,
Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ израсцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю, право, почему:
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожиль
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,

Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашель тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водою,
И календарь осьмага года;
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ инья книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгенийъ
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ;
Мужикъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его расчетливый сосѣдъ.
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ:
Что онъ опасѣйшій чудакъ.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
 Но такъ какъ съ задняго крыльца
 Обыкновенно подавали
 Ему Донскаго жеребца,
 Лишь только вдоль большой дороги
 Заслышать ихъ домашни дроги: —
 Поступкомъ оскорблясь такимъ,
 Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
 «Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
 «Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
 «Стаканомъ красное вино;
 «Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
 «Все да, да *нѣтъ*, не скажетъ *да-съ*
 «Иль *нѣтъ-съ*» Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ,
 И столь же строгому разбору
 Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ.
 По имени Владиміръ Ленскій,
 Съ душою прямо Геттингенской,

Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечь.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника;
Что есть избранныя судьбою
.....
.....
.....
.....
.....

IX.

Негодованье, сожаленье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтъ;
Подъ небомъ Шиллера и Гете,

Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ.
И Музь возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ;
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туману даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лились его живыя слёзы;
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынь, гдѣ одинъ Евгеній
Могъ оцѣнить его дары,
Господь сосѣдственныхъ селеній
Ему не нравились пиры;
Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумный
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно не блистала ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнѣмъ,
Ни острою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ:
Таковъ обычай деревенскій;
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полурускаго сосѣда;
Взойдетъ ли онъ — тотчасъ бесѣда

Заводить слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовуть сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай,
Ей шепчуть: «Дуня, примѣчай!»
Потомъ приносятъ и гитару:
И запищитъ она (Богъ мой!):
Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!... ¹²

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
Охоты узы брака несть,
Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно
Знакомство покорооче свестъ.
Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.
Сперва взаимной разнотой
Они другъ другу были скучны;
Потомъ понравились; потомъ
Съѣжались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди — первый каюсъ я —
Отъ дѣлать нечего — друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
Всѣ предразсудки истребля,
Мы почитаемъ всѣхъ — нулями,
А единицами — себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноснѣе многихъ былъ Евгенийъ;
Хоть онъ людей конечно зналъ,
И вообще ихъ презиралъ;
Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ —
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово

Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придетъ;
Пускай покамѣстъ онъ живетъ
Да вѣритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все раждало споры
И къ размышленію влекло:
Племеньъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предрасудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ сужденій
Читалъ, забывшись, между тѣмъ
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И снисходительный Евгенийъ,
Хоть ихъ не много понималъ,
Прилѣжно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынноиковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онѣгивъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ; порой
Зѣваль съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не ввѣрялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своевольство, иль порывы
И запоздалые отзывы: —

Смиранные не безъ труда,
Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный
И намъ онъ сердце шевелить;
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонить слухъ прилѣжный
Расказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость,
Она готова разболтать.
Въ любви считаясь инвалидомъ,
Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя;
Свою доврчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ.
Евгеній безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть,
Обильный чувствами расказъ.
Давно не новыми для насъ.

*

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не люблять; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣненный,
Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,

И дѣтямъ прочили вѣнцы
Друзья - сосѣди, ихъ отцы.
Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ глухой,
Ни мотыльками, ни пчелою.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ,
И мысль объ ней одушевила
Его цвѣницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя!
Онъ рощи полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну —
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду....
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ. . . . но любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ,
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна. . . . ¹⁵
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жь? оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно

Воспоминанье старины
Иль дѣвичьей. Мы всё должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство — больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной,
Не привлекла бь она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто, цѣлый день одна,
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пальцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою, дитя
Приготавливается шутя
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нсю не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; странные рассказы

Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла,
Ей скучень былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долъ обладаетъ,
И долъ въ празднои тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли всё;
Она влюбилася въ обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отець ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкъ запоздалый;
Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла; ¹⁴
Но въ старину, Княжна Алина,
Ея Московская кузина,

Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по неволѣ;
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ;
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта,
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу.
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась;
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна стала.
Привычка свѣше намъ дана:
Замѣна счастію она. ¹⁵

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь —
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало, писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила на распѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И Руской Н какъ N Французскій

Произносить умѣла въ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, Княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла — стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На ватъ шафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безопасно,
А самъ въ халатъ ѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходить время; между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить,
Тамъ ужинь, тамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины;
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились Русскіе блины.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Имъ квасъ, какъ воздухъ былъ потребенъ,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріямъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,

Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтми и вѣрною женой,
Чистосердечнѣй чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
Смиренный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
Владиміръ Ленскій посѣтилъ
Сосѣда памятникъ смиренный,
И вздохъ онъ пеплу посвятилъ;
И долго сердцу грустно было.
«*Poor Yorick!*»¹⁶ молвилъ онъ уныло,
«Онъ на рукахъ меня держалъ.
«Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
«Его Очаковской медалью!
«Онъ Ольгу прочилъ за меня,
«Онъ говорилъ: дождусь ли дня?...»
И полный искренней печалью,

Владиміръ тутъ же начерталъ
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Отца и матери, въ слезахъ,
Почтилъ онъ прахъ патріархальной. . . .
Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ. . . .
Такъ наше вѣтренное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадедовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ!

XXXIX.

Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнью, друзья!
Ея ничтожность разумѣю,

И мало къ ней привязанъ я;
Для призраковъ закрыль я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Трвожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было бѣ грустно мѣръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Леть не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ — лестная надежда! —
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвить: то - то былъ Поэтъ!
Прими жь мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,

О ты, чья память сохранить
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТЯ.

Elle étoit fille, elle étoit amoureuse.

Malfilatre.

I.

— «Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!»

— «Прощай, Онѣгинъ, мнѣ пора.»

— «Я не держу тебя; но гдѣ ты
Свои проводишь вечера?»

— «У Лариныхъ.» — «Вотъ это чудно.

Помилуй! и тебѣ не трудно

Такъ каждый вечеръ убивать?»

— «Ни мало.» — «Не могу понять.

Отсель вижу, что такое:

Во-первыхъ — слушай, правъ ли я? —

Простая, Русская семья,

Къ гостямъ усердіе большое,

Варенье, вѣчный разговоръ

Про дождь, про лень, про скотный дворъ...»

*

II.

— «Я тутъ еще бѣды не вижу.»
— «Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»
— «Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
Милѣ мнѣ домашній кругъ,
Гдѣ я могу» — «Опять эклога!
Да полно, милый, ради Бога.
Ну что жъ? ты ѣдешь: очень жаль.
Ахъ, слушай, Ленской; да нельзя ль
Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
Предметъ и мыслей, и пера,
И слезъ, и рифмъ et cetera?
Представь меня.» — «Ты шутишь.» — «Нѣту.»
— «Я радъ.» — «Когда же?» — «Хоть сей часъ.
Онѣ съ охотой примутъ насъ.»

III.

Поѣдемъ.» —
Поскакали други,
Явились; имъ расточены
Порой тяжелыя услуги
Гостепріимной старины.
Обрядъ извѣстный угощенья:

Несутъ на блюдечкахъ варенья,
На столикъ ставятъ вощаной
Кувшинъ съ брусничною водой.

.....
.....
.....
.....
.....

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ. ¹⁷.

Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.

— «Ну что жь, Онегинъ? ты зъваешь.»

— «Привычка, Ленскій.» — «Но скучаешь
Ты какъ-то больше.» — «Нѣтъ, равно.

Однако въ полѣ ужъ темно;

Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андрюшка!

Какія глухія мѣста!

А, кстати: Ларина проста,

Но очень милая старушка;

Боюсь: брусничная вода

Мнѣ не надѣлала бь вреда.

Скажи: которая Татьяна?»

— «Да та, которая, грустна
И молчалива какъ Свѣтлана,
Вошла и сѣла у окна.»

— «Не ужъ-то ты влюбленъ въ меньшую?»

— «А что?» — «Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ какъ ты поэтъ,
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точь въ точь въ Вандиковой Мадонѣ:
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.» —
Владиміръ сухо отвѣчалъ,
И послѣ во весь путь молчалъ.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленіе
У Лариныхъ произвело
На всѣхъ большое впечатлѣніе
И всѣхъ сосѣдей развлекло.
Пошла догадка за догадкой.
Всѣ стали толковать украдкой,

Шутить, судить не безъ грѣха,
Татьянѣ прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсѣмъ,
Но остановлена затѣмъ,
Что модныхъ колець не достали.
О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадою
Такія сплетни; но тайкомъ
Съ неизъяснимою отрадой
Невольнo думала о томъ;
И въ сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Сгарая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого нибудь,

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: это онъ!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркій, одинокій сонъ,
Все полно имъ; все дѣвъ милой
Безъ умолку волшебной силой
Твердить о немъ. Докучны ей
И звуки ласковыхъ рѣчей,
И взоръ заботливой прислуги.
Въ уныніе погружена,
Гостей не слушаетъ она,
И проклиняетъ ихъ досуги,
Ихъ неожиданный пріѣздъ
И продолжительный присѣсть.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленные созданья,

Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ - Адель и де Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежной,
И неподобный Грандисонъ, ⁸.
Который намъ наводитъ сонъ,
Всѣ для мечтательницы пѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгойъ бродитъ,
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхаетъ, и себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя. . . .
Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало, пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концъ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокомъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ наводитъ сонъ,
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.
Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,

И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачной,
Иль вѣчный жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ. ¹⁹
Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

ХІІІ.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею Небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изобразу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья Русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условенныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья,
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвикъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью;
Ты въ руки моднаго тирана
Ужь отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ

Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты
Приюты счастливыхъ свиданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искустель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонить,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонить,
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухъ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальный сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

— « Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко мнѣ. »
— « Что, Таня, что съ тобой? » — « Мнѣ скучно,
Поговоримъ о старинѣ. »
— « О чемъ же, Таня! Я, бывало,
Хранила въ памяти не мало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло. » — « Расскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда? »

XVIII.

— « И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь. »
— « Да какъ же ты вѣнчалась, няня? »
— « Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня

Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
Да съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую
Да ты не слушаешь меня »
— «Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова! »
— «Дитя мое, ты нездорова ;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь. . » — « Я не больна ;
Я . . . знаешь, няня, . . . влюблена. »
— «Дитя мое, Господь съ тобою!» —
И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

XX.

— « Я влюблена, » шептала снова
Старушкѣ съ горестью она.
— « Сердечный другъ, ты нездорова.
— « Оставь меня: я влюблена. » —
И между тѣмъ луна сіяла
И темнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенные волосы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ съдой,
Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ;
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
Татьяна, смотря на луну . . .
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась. . .
— « Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвинь; я скоро лягу;

Прости.» И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишетъ,
И все Евгенийъ на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.
Письмо готово, сложено . . .
Татьяна! для кого жь оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ какъ зима;
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Дивился я ихъ спѣси модной,
Ихъ добродѣтели природной,
И признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнится, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда. ²⁰
Внушать любовь для нихъ бѣда,
Пугать людей для нихъ отрада.
Быть можетъ, на берегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
И что жъ нашель я съ изумленьемъ?
Онъ суровымъ поведеньемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вровъ,
По крайней мѣрѣ, сожалѣнемъ,
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда нѣжнѣй,
И съ легковѣрнымъ ослѣпленьемъ
Опять любовникъ молодой
Бѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣ Татьяна?
За то ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣрить избранной мечтѣ?
За то ль, что любить безъ искусства,
Послушная влеченью чувства,

Что такъ доврчива она,
Что отъ Небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судить хладнокровно,
Татьяна любить не шутя
И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя.
Не говоритъ она: отложимъ —
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе кольнемъ
Надеждой, тамъ недоумвнѣемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнѣмъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

*

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-Русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкъ своемъ родномъ,
И такъ писала по-Французски . . .
Что дѣлать! повторяю вновь:
Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-Русски,
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-Русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ ²¹ въ рукахъ!
Я шлюсь на насъ, мои поэты,
Не правда ль: милые предметы,

Которымъ, за свои грѣхи,
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, Русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой шаль
Иль съ Академикомъ въ чепцѣ!
Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я Русской рѣчи не люблю.
Быть можетъ, на бѣду мою,
Красавицъ новыхъ поколѣнье,
Журналовъ внявъ молящій гласъ,
Къ Грамматикѣ приучить насъ;
Стихи введутъ въ употребленье:
Но я.... какое дѣло мнѣ?
Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
Неточный выговоръ рѣчей,
По прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей;
Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи.

Но полно. Мнѣ пора заняться
Письмомъ красавицы моей;
Я слово далъ, и что жъ? ей ей
Теперь готовъ ужъ отказаться.
Я знаю: нѣжнаго Парии
Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ Пировъ и грусти томной, ²²
Когда бъ еще ты былъ со мной,
Я сталъ бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:
Чтобъ на волшебные напѣвы
Переможилъ ты страстной дѣвы

Иноплеменные слова.

Гдѣ ты? приди: свои права

Передаю тебѣ съ поклономъ

Но посреди печальныхъ скалъ,

Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,

Одинъ, подѣ Финскимъ небосклономъ,

Онъ бродить, и душа его

Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною;

Его я свято берегу,

Читаю съ тайною тоскою

И начитаться не могу.

Кто ей внушалъ и эту нѣжность,

И словъ любезную небрежность?

Кто ей внушалъ умильный вздоръ,

Безумный сердца разговоръ

И увлекательный, и вредный?

Я не могу понять. Но вотъ

Неполный, слабый переводъ,

Съ живой картины списокъ блѣдный,

Или разыгранный Фрейшицъ

Перстами робкихъ ученицъ:

Письмо Татьяны къ Оньгину.

«Я къ вамъ пишу — чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бѣ никогда,
Когда бѣ надежду я имѣла
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать обѣ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ все вамъ скучно,
А мы... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.

«Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья,
Я никогда не знала бѣ васъ,
Не знала бѣ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

«Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтъ
Не отдала бы сердца я!
То въ высшемъ суждено совѣтъ . . .
То воля Неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой . . .
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!

Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мслкнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты ль, съ отрадой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой Ангелъ ли хранитель,
Или коварный искунитель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,

Твоей защиты умоляю . . .
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И, молча, гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!

«Кончаю! страшно перечестъ . . .
Стыдомъ и страхомъ замираю . . .
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю...» —

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
Письмо дрожить въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась.
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.

Но вотъ ужъ луннаго луча
Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
Сквозь парь яснѣетъ. Тамъ потокъ
Засеребрился; тамъ рожокъ
Пастушій будить селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно:
Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
Сидитъ съ поникшею главою
И на письмо не напираетъ
Своей печати вырѣзной.
Но, дверь тихонько отпирая,
Ужъ ей Филиппевна сѣдая
Приноситъ на подносѣ чай.
— «Пора, дитя мое, вставай:
Да ты, красавица, готова!
О, пташка ранняя моя!
Вечоръ ужъ какъ боялась я!
Да, слава Богу, ты здорова!
Тоски ночной и слѣду нѣтъ,
Лице твое какъ маковъ цвѣтъ.»

XXXIV.

- «Ахъ! няня, сдѣлай одолженъе...»
— «Изволь, родная, прикажи.»
— »Не думай... право... подозрѣнъе...
Но видишь... Ахъ! не откажи.»
— «Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука.»
— «И такъ пошли тихонько внука
Съ запиской этой къ О.... къ тому...
Къ сосѣду... да велѣть ему —
Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
Чтобъ онъ не называлъ меня...»
— «Кому - же, милая моя?
Я нынче стала безтолкова.
Кругомъ сосѣдей много есть —
Куда мнѣ ихъ и перечестъ.»

XXXV.

- «Какъ недогадлива ты, няня!»
— «Сердечный другъ, ужъ я стара,
Стара; тупѣеть разумъ, Таня;
А то, бывало, я востра:
Бывало, слово барской воли...»
— «Ахъ, няня, няня! до того ли?»

Что нужды мнѣ въ твоємъ умѣ?
Ты видишь, дѣло о письмѣ
Къ Онѣгину.» — «Ну дѣло, дѣло.
Не гнѣвайся, душа моя,
Ты знаешь, непонятна я . . .
Да что жъ ты снова поблѣднѣла?»
— «Такъ, няня, право ничего.
Пошли же внука своего» —

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
Другой насталь: все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта,
Татьяна ждетъ: когда жъ отвѣтъ?
Пріѣхаль Ольгинъ обожатель.
— «Скажите: гдѣ же вашъ пріятель?»
Ему вопросъ хозяйки былъ:
«Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ.»
Татьяка, вспыхнувъ, задрожала.
— «Сегодня быть онъ обѣщаль»,
Старушкѣ Ленской отвѣчалъ:
«Да, видно, почта задержала.» —
Татьяна потупила взоръ,
Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столъ, блистая,
Шипѣлъ вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвая;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкамъ тѣмною струею
Уже душистый чай бѣжалъ,
И сливки мальчикъ подавалъ;
Татьяна предъ окномъ стояла,
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель: *О да Е.*

XXXVIII.

И между тѣмъ, душа въ ней ныла,
И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
Вдругъ топотъ!... кровь ея застыла.
Вотъ ближе! скачутъ... и на дворъ
Евгеній! «Ахъ!» — и легче тѣни
Татьяна прыгъ въ другія сѣни

Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ,
Летить, летить; взглянуть назадъ
Не смѣть; мигомъ обѣжала
Куртины, мостики, лужокъ,
Аллею къ озеру, лѣсокъ,
Кусты сирень переломала,
По цвѣтникамъ летя къ ручью
И задыхаясь, на скамью

XXXIX.

Упала. . .

«Здѣсь онъ! здѣсь Евгений!
О Боже! что подумалъ онъ!» —
Въ ней сердце, полное мученій,
Хранить надежды темный сонъ;
Она дрожитъ и жаромъ пышитъ,
И ждетъ: нейдетъ ли? Но не слышать.
Въ саду служанки, на грядкахъ,
Сбирали ягоды въ кустахъ
И хоромъ по наказу пѣли
(Наказъ, основанный на томъ,
Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли,

И пѣньемъ были заняты:
Затѣя сельской остроты!).

Пѣсня дѣвушекъ.

«Дѣвицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь, милыя!
Затяните пѣсенку,
Пѣсенку завѣтную,
Заманите молодца
Къ хороводу нашему.
Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милыя,
Закидаемъ вишеньемъ,
Вишеньемъ, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Пѣсенки завѣтныя,
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи.» —

XI.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепеть сердца въ ней затихъ,
Чтобы прошло ланить пыланье.
Но въ персяхъ то же трепетанье,
И не проходитъ жаръ ланить,
Но ярче, ярче лишь горить.
Такъ бѣдный мотылекъ и блещетъ,
И бьется радужнымъ крыломъ,
Плѣненный школьнымъ шалуномъ;
Такъ зайчикъ въ озими трепещетъ,
Увидя вдругъ издалека
Въ кусты припадашаго стрѣлка.

XII.

Но наконецъ она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
Въ аллею; — прямо передъ ней,
Блестая взорами, Евгенийъ
Стоитъ подобно грозной тѣни,

И какъ огнемъ обожжена
Остановилася она.
Но слѣдствія неожиданой встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я;
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погулять и отдохнуть:
Докончу послѣ какъ нибудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

La morale est dans la nature des choses.

Necker.

I. II. III. IV. V. VI. ²⁵

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ, бывало, хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубл,
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ времянь:
Ловласовъ обветшала слава
Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно;
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всё увѣрены давно;
Все тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предрасужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ!
Кого не утомить угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгеній.
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданныхъ страстей.
Присычкой жизни избалованъ,
Однимъ навремя очарованъ,

Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтренымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумъ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвогу подавляя смѣхомъ:
Вотъ, какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утрата жизни лучшей цвѣтъ.

Х.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ нибудъ;
Откажутъ — мигомъ утѣшался;
Измѣнять — радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На *вистъ* вечерній прїѣзжаетъ,
Садится; кончилась игра:
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ,
И самъ не знаетъ поутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгинъ живо тронуть былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой;
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душею погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
Имъ на минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
И молвилъ: — «Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья;

Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ заплачу
Признаньемъ также безъ искусства;
Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

ХІІІ.

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда бъ мнѣ быть отцемъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единой:
То, вѣрно бъ, кромѣ васъ одной,
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блесстокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ . . . сколько могъ!»

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе недостоинъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронуть сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовить Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

XV.

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Грустить о недостойномъ мужѣ,
И днемъ и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однако жъ проклиная),

Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
Сердить и холодно - ревнивъ!
Таковъ я. И того ль искали
Вы чистой пламенной душой,
Когда съ такою простотою,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
Не обновлю души моей. . .
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
Послушайте жъ меня безъ гнѣва:
Смѣнить не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты;
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною.
Такъ видно Небомъ суждено.
Полюбите вы снова: но . . .
Учитесь властвовать собою,
Не всякой васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.» —

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгеній.
Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій,
Татьяна слушала его.
Онъ подалъ руку ей. Печально
(Какъ говорится, *машинально*)
Татьяна, молча, оперлась;
Головкой томною склонясь,
Пошла домой вокругъ огорода;
Явились вмѣстѣ, и никто
Не вздумалъ имъ пѣнять на то:
Имѣеть сельская свобода
Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступилъ
Съ печальной Таней нашъ пріятель;
Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство

Въ немъ не щадило ничего:
Враги его, друзья его
(Что, можетъ быть, одно и тоже)
Его честили такъ и сякъ.
Враговъ иметь въ мѣрѣ всякъ.
Но отъ двузей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
Объ нихъ недаромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты;
Я только *въ скобкахъ* замѣчаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакъ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной,
Что нѣтъ нелѣпицы такой,
Ни эпиграмы площадной,
Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ стократъ ошибкой;
А впрочемъ онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любитъ... какъ родной!

Гм. гм., Читатель благородной,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: можетъ быть, угодно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значать именно *родные*.
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ остальное время года
Не думали о насъ они. . .
И такъ дай, Богъ, имъ долги дни!

За то любовь красавицъ нѣжныхъ
Надежнѣй дружбы и родства:
Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихорь моды,
Но своенравіе природы,

Но мнѣнья свѣтскаго потокъ. . .
А милый полъ, какъ пухъ, лежокъ.
Къ тому жъ и мнѣнія супруга
Для добродѣтельной жены
Всегда почтенны быть должны;
Такъ ваша вѣрная подруга
Бываетъ вмигъ увлечена:
Любовью шутить сатана.

XXII.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не съветъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудовъ напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй вѣрно нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжить;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственный покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва раждающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна, увядаетъ;
Блѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ!
Ничто ея не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣды шепчутъ межъ собою:

Пора, пора бы замужъ ей! . . .
Но полно. Надо мнѣ скорѣй
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольно, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Чась отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой,
Владиміръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ впотемкахъ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что жъ? Любовью упоенный,
Въ смятеніи нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги одобренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Нравоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобрианъ;
А между тѣмъ двѣ, три страницы
(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ, покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далѣко,
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Беретъ въ разсѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой: и дома
Онъ занять Ольгою своей.
Летучіе листки альбома
Прилежно украшаетъ ей:
То въ нихъ рисуетъ сельскіи виды,
Надгробный камень, храмъ Киприды,

Или на лирѣ голубка
Перомъ и красками слегка;
То на листкахъ воспоминанья,
Пониже подписи другихъ,
Онъ оставляетъ вѣжнѣй стихъ,
Безмолвнѣй памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкѣй слѣдъ,
Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали
Уздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрнѣй внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первомъ листикѣ встрѣчаешь
Qu'écirez vous sur ces tablettes;
И подпись: t. à. v. Annette;
А на послѣднемъ прочитаешь:
*«Кто любитъ больше тебя,
«Пусть пишетъ дальѣ меня.»*

*

XXIX.

Тутъ непременно вы найдете
Два сердца, факель и цвѣтки;
Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете:
Въ любви до гробовой доски;
Какойнибудь *пѣнь* армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской.
Въ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякой мой усердный вздоръ
Заслужить благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не стануть важно разбирать,
Остро, иль нѣтъ я могъ соврать.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ риѣмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстова кистью чудотворной,

Иль Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ!
Когда блистательная дама
Мнѣ свой in - quartо подаетъ,
И дрожь и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграма
Во глубинѣ моей души,
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышетъ,
Не хладно блещетъ остротой;
Что ни замѣтитъ, ни услышитъ
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
И полны истины живой
Текутъ элегіи рѣкой.
Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
Въ порывахъ сердца своего,
Поешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
И сводъ элегій драгоцѣнный
Представитъ нѣкогда тебѣ
Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышишь? Критикъ строгой
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегіи вънокъ убогой,
И нашей братьѣ риемачамъ
Кричить: «да перестаньте плакать,
«И все одно и то же квакать,
«Жалѣть о *прежнемъ*, о *быломъ*:
«Довольно, — пойте о другомъ!»
— Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
Трубу, личину и кинжалъ,
И мыслей мертвый капиталъ
Отсюда воскресить прикажешь:
Не такъ ли, другъ? Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
«Какъ было встарь заведено. . .»
— Одиѣ торжественныя оды!
И, полно, другъ; не все ль равно?
Припомни, что сказалъ сатирикъ!
Чужаго толка хитрый лирикъ

Ужели для тебя сносивъ
Унылыхъ нашихъ рюмачей? —
«Но все въ элегіи ничтожно;
«Пустая цѣль ея жалка;
«Межъ тѣмъ цѣль оды высока
«И благородна. . .» Тутъ бы можно
Поспорить намъ, но я молчу:
Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
Въ волненіи бурныхъ думъ своихъ,
Владиміръ и писалъ бы оды,
Да Ольга не читала ихъ.
Случалось ли поэтамъ слезнымъ
Читать въ глаза своимъ любезнымъ
Свои творенья? Говорятъ,
Что въ мірѣ выше нѣтъ награды.
И впрямь, блаженъ любовникъ скромной,
Читающій мечты свои
Предмету пѣсень и любви,
Красавицѣ пріятно - томной!
Блаженъ . . . хоть, можетъ быть, она
Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой няни,
Подругъ юности моей
Да послѣ скучнаго обѣда
Ко мнѣ забредшаго сосѣда,
Поймавъ неждано за полу,
Душу трагедіей въ углу,
Или (но это кромѣ шутокъ),
Тоской и риземами томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ,
Пугаю стадо дикихъ угокъ:
Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ строфъ,
Онѣ слетають съ береговъ.

XXXVI. XXXVII.

А что жъ Онѣгинъ? Кстати, братья!
Терпѣнья вашего прошу:
Его всеневныя занятя
Я вамъ подробно опишу.
Онѣгинъ жилъ Анахоретомъ;
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ

И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
Пѣвцу Гюльнары подражал,
Сей Геллеспонтъ переплывалъ,
Потомъ свой кофе выпивалъ,
Плохой журналъ перебиралъ,
И одѣвался:

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокой,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина:
Вотъ жизнь Онѣгина святалъ;
И нечувствительно онъ ей
Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
Въ безпечной нѣгѣ не считая,
Забывъ и городъ и друзей
И скуку праздничныхъ затѣй.

XI.

Но наше сѣверное лѣто,
Карриатура южныхъ зимъ,
Мелькнетъ и нѣтъ: извѣстно это,
Хоть мы признаться не хотимъ.
Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ Ноябрь ужъ у двора.

XII.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходить на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ — и путникъ осторожный

Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонить ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва ²⁴
Прядеть, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещить лучинка передъ ней.

XLII.

И вотъ уже трещать морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждетъ ужъ рюмы: *розы*:
На, вотъ возьми ее скорѣй!)
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блится рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ родостный народъ ²⁵
Коньками звучно рѣжетъ лёдъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на лёдъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой.
Скакать верхомъ въ степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпля ледь,
Того и жди, что упадетъ.
Сиди подъ кровлею пустынной,
Читай: вотъ Прадтъ, вотъ W. Scott!
Не хочешь? Повѣрай расходъ,
Сердись, иль пей, и вечеръ длинной
Кой - какъ пройдетъ, и завтра тожь,
И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Овѣгинъ Чильдъ Гарольдомъ
Вдался въ задумчивую лѣнь:
Со сна садится въ ванну со льдомъ,
И послѣ, дома цѣлый день,
Одинъ, въ расчеты погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,

Онъ на бильярдѣ въ два шара
Играеть съ самага утра.
Настанеть вечеръ деревенскій:
Бильярдъ оставлень, кій забытъ,
Передъ каминомъ столъ накрытъ,
Евгеній ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
На тройкѣ чалыхъ лошадей:
Давай обѣдать поскорѣй!

XLV.

Вдовы Клико или Мозта
Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
Оно сверкаетъ Ипокреной; ²⁶
Оно своей игрой и пѣной
(Подобіемъ того - сего)
Меня плѣняло: за него
Последній бѣдный лептъ, бывало,
Давалъ я, помните ль, друзья?
Его волшебная струя
Раждала глупостей не мало,

А сколько шутокъ, и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ сновъ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я *Бордо* благоразумной
Ужъ нынче предпочель ему.
Къ *Аи* я больше неспособенъ;
Аи любовницъ подобенъ
Блестящей, вѣтреной, живой,
И своенравной, и пустой...
Но ты, *Бордо*, подобенъ другу,
Который, въ горѣ и въ бѣдѣ,
Товарищъ завсегда, вездѣ,
Готовъ намъ оказать услугу,
Иль тихой раздѣлить досугъ.
Да здравствуетъ *Бордо*, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
Подернуть уголь золотой;
Едва замѣтною струею
Віется парь, и теплотой

Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
Еще шипитъ среди стола.
Вечерняя находитъ мгла. . .
(Люблю я дружескія враки
И дружескій бакаль вина
Порою той, что названа
Пора межъ волка и собаки,
А почему, не вижу я.)
Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

— «Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
Что Ольга рѣзвая твоя?»
— «Налей еще мнѣ полстакана. . .
Довольно, милый. . . Вся семья
Здорова; кланяться велѣли.
Ахъ, милый, какъ похорошѣли
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа! . . . Когда нибудь
Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
А то, мой другъ, суди ты самъ:
Два раза заглянулъ, а тамъ

Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
Да вотъ . . . какой же я болванъ!
Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ.»

XLIX.

— «Я?» — «Да, Татьяны именины
Въ субботу. Олинъка и мать
Вельми звать, и вѣтъ причины
Тебѣ на зовъ не прѣзжать.»
«Но куча будетъ тамъ народу
И всякаго такого сброду . . .»
— «И, никого, увѣренъ я!
Кто будетъ тамъ? своя семья.
Поѣдемъ, сдѣлай одолженъе!
Ну чтожь?» — «Согласенъ.» — «Какъ ты милъ!
При сихъ словахъ онъ осушилъ
Стаканъ, сосѣдкѣ приношенъе,
Потомъ разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

L.

Онъ веселъ былъ. Чрезъ двѣ недѣли
Назначенъ былъ счастливый срокъ.

И тайна брачныя постели
И сладостной любви вѣнокъ
Его восторговъ ожидали.
Гимена хлопоты, печали,
Зѣвоты хладная чреда
Ему не снились никогда.
Межь тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
Въ домашней жизни зримъ одинъ
Рядъ утомительныхъ картинъ,
Романъ во вкусъ Лафонтена. . . ²⁷
Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рожденъ.

II.

Онъ былъ любимъ . . . по крайней мѣрѣ
Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто хладный умъ угомонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
Или, нѣжнѣй, какъ мотылекъ,
Въ весенній впившійся цвѣтокъ;
Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ,

Чья не кружится голова,
Кто всѣ движенья, всѣ слова
Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
Чье сердце опытъ остудилъ
И забываться запретилъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ,
Ты, моя Свѣплана!
Жуковскій.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ,
Зимы ждала, ждала природа.
Снѣгъ выпалъ только въ Январѣ
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все бѣло кругомъ.

*

II.

Зима! . . . Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ нибудъ;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки *жужжу* посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ мальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно. . .

III.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это низкая природа;
Изящнаго немного тутъ.
Согрѣтый вдохновенья богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ

Живописаль намъ первый снѣгъ
И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ: ²⁸
Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я боротся не намѣренъ
Ни съ нимъ покаместъ, ни съ тобой,
Пѣвецъ Финляндки молодой! ²⁹

IV.

Татьяна (Русская душою,
Сама не зная почему.)
Съ ея холодною красою
Любила Русскую зиму,
На солнцѣ иній въ день морозной,
И сани, и зарею поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу Крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышнень своихъ гадали
И имъ сулили каждый годъ,
Мужевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старинѣ,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльцо мыль:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогой ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
Когда жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла
И рассыпалася; тогда
Въ смятеніи Таня торопилася,
Пока звѣзда еще катилася,

Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случилось гдѣ нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгаль дорогу ей;
Не зная, что начать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчію склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадаеть вѣтренная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежить свѣтла, необозрима,
Гадаеть старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядитъ:
Онъ чудно - вылитымъ узоромъ
Ей что - то чудное гласитъ;
Изъ блюда, полного водою,
Выходятъ кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
«Тамъ мужички - то все богаты;
«Гребутъ лопатой серебро;
«Кому послѣ, тому добро
«И слава!» Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
Милѣй кошурка сердцу дѣвъ. ³⁰

IX.

Морозна ночь; все небо ясно;
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно. . .
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ;

Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожить печальная луна. . .
Чу. . . снѣгъ хруститъ. . . прохожій; два
Къ нему на цыпочкахъ летитъ
И голосокъ ея звучитъ,
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
Какъ ваше имя? ³¹ Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: Агаѣонъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала въ бани
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ. . .
И я — при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно — такъ и быть. . .
Съ Татьяной намъ не ворожить
Татьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вѣтса Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумить, клубить волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, нескованный зимой;
Двѣ жердочки, склеены льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ:
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей;
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей;
Но вдругъ сугрубъ зашевелился,
И кто жъ изъ-подъ него явился?

Большой взерошенный медвѣдь;
Татьяна *ахъ!* а онъ ревѣтъ,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянуль; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась
И болзливými шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла — и что жь? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Кряхтя, валить медвѣдь несносный,
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинь, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучь свѣтилъ ночныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Мятелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за пего;
Снѣгъ рыхлой поколѣно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпить вдругъ, то изъ ушей
Златыя серги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгъ съ ножки милой
Увязнетъ мокрой башмачокъ;
То выронить она платокъ;
Поднять ей нѣкогда; боится,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все вослѣдъ:
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно - покорна;
Не шевелится, недохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой:
Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой;

Кругомъ все глушь; отвсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесёнъ,
И ярко свѣтится окошко,
И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ;
Медвѣдь примолвилъ: *здѣсь мой кумъ:*
Погрѣйся у него немножко!
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что же! видитъ. . . за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ;
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордой,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу - журавль и полу - котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукъ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещить и машеть;
Лай, хохоть, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ! ³²
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто миль и страшень ей —
Героя нашего романа!
Онѣгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкою глядитъ.

XVIII.

Онѣ знакъ подастъ: и всѣ хлопочутъ;
Онѣ пѣтъ: всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;
Онѣ засмѣется: всѣ хохочутъ;
Нахмурить брови: всѣ молчатъ;
Онѣ тамъ хозяинъ, это ясно:
И Танѣ ужъ не такъ ужасно,

И любопытная теперь
Немного растворила дверь. . .
Вдругъ вѣтеръ дунуль, загашая
Огонь свѣтильниковъ ночныхъ:
Смутилась шайка домовыхъ;
Онѣгинъ, взорами сверкая,
Изъ-за стола гремя встаетъ;
Всѣ встали: онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бѣжать:
Нельзя никакъ; нетерпѣливо
Метаясь, хочетъ закричать:
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгенийъ:
И взорамъ адскихъ привидѣній
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всѣхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указываетъ на нее,
И всѣ кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгеній грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ;
Осталася во тмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ - другъ;
Онѣгинъ тихо увлекаетъ ³³
Татьяну въ уголь и слагаетъ
Ее на шаткую скамью
И клонить голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
За нею Ленской; свѣтъ блеснулъ;
Онѣгинъ руку замахнулъ
И дико онъ очами бродитъ,
И незваныхъ гостей бранить:
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче: вдругъ Евгеній
Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
Поверженъ Ленскій; страшно тѣни
Сгустились; нестерпимый крикъ
Раздался. . . хижина шатнулась. . .
И Таня въ ужасъ проснулась. . .

Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло;
Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
Зари багрянный лучъ играетъ;
Дверь отворилась. Ольга къ ней,
Авроры сѣверной алѣй
И легче ласточки, влетаетъ;
Ну, говорить: «Скажи жъ ты мнѣ,
Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
Въ постелѣ съ квигою лежитъ,
За листомъ листъ перебирая,
И ничего не говоритъ.
Хоть не являла книга эта
Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ;
Но ни Виргилій, ни Расинъ,
Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека,
Ни даже Дамскихъ Модъ Журналь
Такъ никого не занималь:
То былъ, друзья, Мартынь Задека, ⁵⁴
Глава халдейскихъ мудрецовъ,
Гадатель, толкователь сновъ.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье,
И для Татьяны наконецъ
Его съ разрозненной *Мальвиной*
Онъ уступилъ за три съ полтиной,
Въ придачу взявъ еще за нихъ
Собранье басенъ площадныхъ,
Граматику, двѣ Петріады,
Да Мармонтеля третій томъ.
Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани. . . Онъ отрады
Во всѣхъ печаляхъ ей дарить,
И безотлучно съ нею спить.

XXIV.

Ее тревожитъ сновидѣнье.
Не зная, какъ его понять,
Мечтанья страшнаго значенье
Татьяна хочетъ отыскать.
Татьяна въ оглавленьи краткомъ
Находитъ азбучнымъ порядкомъ

Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель,
И прочая. Ея сомнѣнїй
Мартынъ Задека не рѣшитъ;
Но сонъ злобѣщїй ей сулитъ
Печальныхъ много приключенїй.
Дней нѣсколько она потомъ
Все безпокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою ⁵⁵
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ имянинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣды съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохоть, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачь дѣтей.

*

XXVI.

Съ своею супругою дородной
Пріѣхаль толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, чета сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ ³⁶
(Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
И отставной Совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Хорликова
Пріѣхаль и мосье Трике,
Острякъ, недавно изъ Тамбова,
Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
Какъ истинный Французъ, въ карманѣ
Трике привезъ куплетъ Татьянѣ

На голосъ, знаемый дѣтьми:
Reveillez vous, belle endormie.
Межь ветхихъ пѣсень альманаха
Былъ напечатанъ сей куплетъ;
Трике, догадливый поэтъ,
Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
И смѣло — вмѣсто belle Nina —
Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
Созрѣвшихъ барышенъ кумиръ,
Уѣздныхъ матушекъ отрада,
Пріѣхалъ ротный командиръ;
Вошелъ. . . Ахъ, новость, да какая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.
Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвчонки прыгають заранѣ; ³⁷
Но кушать подали. Четой
Идутъ за столъ рука съ рукой.
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
Мужчины противъ: и, крестясь,
Толпа жужжить, за столъ садясь.

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры;
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости понемногу
Подъемяютъ общую тревогу.
Никто не слушаетъ, кричатъ,
Смѣются, спорятъ и пищатъ.
Вдругъ двери настежь. Ленскій входитъ
И съ нимъ Онѣгинъ. — «Ахъ, Творецъ!»
Кричитъ хозяйка: «наконецъ!» —
Тѣснятся гости, всякъ отводитъ
Приборы, стулья поскорѣй;
Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
И, утренней луны блѣднѣй
И трепетнѣй гонимой лани,
Она темнѣющихъ очей
Не подымаеть: пышетъ бурно
Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;

Она привѣтствій двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
Бѣдняжка въ обморокъ упасть:
Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишкомъ
И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги - нервическихъ явленій,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
Давно терпѣть не могъ Евгенийъ:
Довольно ихъ онъ перенесъ.
Чудакомъ, попавъ на пиръ огромной,
Ужъ былъ сердитъ. Но, дѣвы томной
Замѣтя трепетный порывъ,
Съ досады взоры опутивъ,
Надулся онъ, и негодуя
Поклялся Ленскаго взбѣсить
И ужъ порядкомъ отомстить.
Теперь, заранѣ торжествуя,
Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
Каррикутуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно не одинъ Евгеній
Смятенъе Тани видѣть могъ;
Но цѣлью взоровъ и сужденій
Въ то время жирный былъ пирогъ
(Къ несчастію, пересоленной);
Да вотъ въ бутылкѣ засмоленной,
Между жаркимъ и блан - манже,
Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ талии твоей,
Зизи, кристалъ души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый фляль,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипить; и вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
Хранить глубое молчанье.

Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукъ,
Запѣлъ, фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэтъ же скромный, хотъ великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодарить.
Когда же дѣло до Евгенья
Дошло; то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его души родили жалость:
Онъ, молча, поклонился ей,
Но какъ - то взоръ его очей
Быль чудно нѣженъ. Отъ того ли,
Что онъ и вправду тронуть быль,
Иль онъ, кокетствуя, шалилъ,
Невольно ль, иль изъ доброй воли;
Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отдвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валитьъ:
Такъ пчель изъ лакомага улья
На ниву шумный рой летить.
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сонить передъ сосѣдомъ;
Подсѣли дамы къ комельку:
Дѣвицы шепчуть въ уголку;
Столъ зеленый раскрыты:
Зовутъ зазорныхъ игроковъ
Бостонъ и ломберъ стариковъ,
И вистъ, донинѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь роберовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли;
И чай несутъ. Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ

Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ :
Желудокъ — вѣрный нашъ брегеть;
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII. XXXVIII. XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ - за двери въ залѣ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходить къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову,
Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
Беретъ Тамбовскій мой поэтъ,
Умчалъ Буяновъ Пустякову,
И въ залу высыпали всѣ,
И балъ блеснуть во всей красѣ.

XI.

Въ началѣ моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
Баль Петербургскій описать;
Но, развлечень пустымъ мечтаньемъ,
Я занялся воспоминаьемъ
О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
О ножки, полно заблуждаться!
Съ измѣной юности моей
Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправляться,
И эту пятую тетрадь
Отъ отступленій очищать.

XII.

Однообразный и безумный,
Какъ вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькаетъ за четой.
Къ минутѣ мщенья приближаясь,
Онѣгинь, втайнѣ усмѣхаясь,

Подходитъ къ Ольгѣ. Быстро съ ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стуль ея сажаетъ,
Заводитъ рѣчь о томъ, о семь:
Спусти минуты двѣ, потомъ
Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
Всѣ въ изумленьи. Ленскій самъ
Не вѣритъ собственнымъ глазамъ.

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,
Въ огромномъ залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблукы, усы
Все тѣ же; ихъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ Россіянъ.

XLIII. XLIV.

Буяновъ, братаецъ мой задорный,
Къ герою нашему подвель
Татьяну съ Ольгою: проворной
Онѣгинъ съ Ольгой пошелъ;
Ведеть ее, скользя небрежно,
И, наклонясь, ей шепчетъ нѣжно
Какой - то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ — и запылалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой
Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
Въ негодованіи ревнивомъ
Поэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонъ ее зоветъ.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово ужъ дала
Онѣгину. О, Боже, Боже!
Что слышитъ онъ? Она могла. . .
Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
Кокетка, вѣтранный ребенокъ!

Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
Ужъ измѣнять научена!
Не въ силахъ Ленскій снести удара;
Проказы женскія кляня,
Выходить, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули — больше ничего —
Вдругъ разрѣшаютъ судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

La sotto giorni nubilosi e brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole.

P e t r.

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
Близъ Ольги въ думу погрузился,
Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Олинька зѣвала,
Глазами Ленскаго искала,
И безконечный котильонъ
Ее томилъ, какъ тяжкій сонъ.
Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
Постели стелютъ; для гостей
Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
До самой дѣвичьи. Всѣмъ нуженъ
Покойный сонъ. Онѣгинъ мой
Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной
Храпитъ тяжелый Пустяковъ
Съ своей тяжелой половиной.
Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
И Фляновъ, не совсѣмъ здоровой,
На стульяхъ улеглись въ столовой,
А на полу мосье Трике,
Въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ.
Дѣвицы въ комнатахъ Татьяны
И Ольги всѣ обѣяты сномъ.
Одна, печально подѣ окномъ
Озарена лучемъ Діаны,
Татьяна бѣдная не спитъ
И въ поле темное глядитъ.

III.

Его нежданымъ появленьемъ,
Мгновенной нѣжностью очей
И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ
До глубины души своей
Она проникнута; не можетъ
Никакъ понять его; тревожить

Ее ревнивая тоска,
Какъ будто хладная рука
Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
Подъ ней чернѣетъ и шумить. . .
«Погибну,» Таня говорить:
«Но гибель отъ него любезна.
Я не ропщу: зачѣмъ роптать?
Не можетъ онъ мнѣ счастья дать.» —

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
Лице насъ новое зоветъ.
Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
Деревни Ленскаго, живетъ
И здравствуетъ еще донинѣ
Въ философической пустынѣ
Зарѣцкій, нѣкогда буянь,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсь, трибунъ трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И даже честный человѣкъ:
Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

*

V.

Бывало, льстивый голосъ свѣта
Въ немъ злую храбрость выхвалялъ:
Онъ, правда, въ тузь изъ пистолета
Въ пяти саженьяхъ попадалъ,
И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня Калмыцкаго свалясь,
Какъ зюзя пьяный, и Французамъ
Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
Новѣйшій Регуль, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждымъ утромъ у Верн ³⁸
Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
Умѣлъ морочить дурака
И умнаго дурачить славно,
Иль явно, иль исподтишка,
Хоть и ему инья штуки
Не проходили безъ науки,

Хоть иногда и самъ въ просакъ
Онъ попадался, какъ простакъ.
Умѣлъ онъ весело поспорить,
Остро и тупо отвѣчать,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ,

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ тайно обезславить
Веселой шуткою, враньемъ,
Sed alia tempora! Удалость
(Какъ сонъ любви, другая шалость)
Проходить съ юностью живой.
Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живеть, какъ истинный мудрецъ,
Капусту садить, какъ Горацій,
Разводить утокъ и гусей
И учить азбукъ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгеній,
Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его сужденій,
И здравый толкъ о томъ, о семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ, и такъ нимало
Поутру не былъ удивлёнъ,
Когда его увидѣлъ онъ.
Тотъ послѣ перваго привѣта,
Прервавъ начатый разговоръ,
Онѣгину, ослабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онѣгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородный,
Короткій вызовъ иль *картель*:
Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онѣгинъ съ перваго движенья,
Къ послу такого порученья

Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ *всегда готовъ*.
Зарѣцкій всталъ безъ объясненій;
Остаться долъ не хотѣлъ,
Имѣя дома много дѣлъ,
И тотчасъ вышелъ; но Евгений
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

Х.

И подѣломъ: въ разборъ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
Что надъ любовью робкой, нѣжной
Такъ подшутилъ вечеръ небрежно.
А во-вторыхъ: пускай поэтъ
Дурачится; въ осмнадцать лѣтъ
Оно простительно. Евгений,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предрасужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, какъ звѣрь;
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Ужъ поздно; время улетѣло. . .
Къ тому жъ — онъ мыслить — въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ;
Онъ золь, онъ сплетникъ, онъ рѣчиствъ...
Конечно: быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопоть, хохотня глупцовъ...»
И вотъ общественное мнѣнье! ⁵⁹
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ, на чемъ вертится мiръ!

XII.

Кипя враждой нетерпѣливой,
Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
И вотъ сосѣдъ велерѣчивой
Привезъ торжественно отвѣтъ.
Теперь ревнивцу то-то праздникъ!
Онъ все боялся, чтобъ проказникъ

Не отшутился какъ нибудь,
Уловку выдумавъ и грудь
Отворотивъ отъ пистолета.
Теперь сомнѣнья рѣшены:
Они на мельницу должны
Пріѣхать завтра до разсвѣта,
Взвести другъ на друга курокъ
И мѣтить въ ляжку или въ високъ.

ХІІІ.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
Кипящій Ленскій не хотѣлъ
Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
На солнце, на часы смотрѣлъ,
Махнулъ рукою напоследокъ —
И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Олинку смутить,
Своимъ пріѣздомъ поразить;
Не тутъ-то было: какъ и прежде,
На встрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Олинъка съ крыльца,
Подобна вѣтреной надеждѣ,
Рѣзва, безпечна, весела,
Ну точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечеръ такъ рано скрылись?»
Былъ первый Олинъкинъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ помутнились,
И, молча, онъ повѣсилъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ этой ясностію взгляда,
Предъ этой нѣжной простотой,
Предъ этой рѣзвою душой! . . .
Онъ смотритъ въ сладкомъ умилень;
Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
Ужъ онъ, раскаляемъ томимъ,
Готовъ просить у ней прощенье,
Трепещеть, не находить словъ:
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ. . .

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Предъ милой Ольгою своей,
Владиміръ не имѣетъ силы
Вчерашній день напомнить ей;
Онъ мыслить: «буду ей спаситель.
Не потерплю, чтобъ развратитель

Огнемъ и вздохомъ и похвалъ
Младое сердце искушалъ;
Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
Точилъ лилеи стебелекъ;
Чтобы двухутренній цвѣтокъ
Увяль еще полураскрытый.»
Все это значило, друзья:
Съ пріятелемъ стрѣляюсь я.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы вѣдала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленскій и Евгенийъ
Заспорятъ о могильной сѣни:
Ахъ, можетъ быть, ея любовь
Друзей соединила бъ вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывалъ.
Онѣгинъ обо всемъ молчалъ;
Татьяна изнывала тайно;
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
То молчаливъ, то весель вновь;
Но тотъ, кто музою взлелѣянъ,
Всегда таковъ: нахмуря бровь,
Садился онъ за клавиорды,
И бралъ на нихъ одни аккорды;
То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
Шепталъ: не правда ль? я счастливъ.
Но поздно; время ѣхать. Сжалось
Въ немъ сердце, полное тоской;
Прощаясь съ дѣвой молодой,
Оно какъ будто разрывалось.
Она глядитъ ему въ лицо.
— «Что съ вами?» — «Такъ» — И на крыльцо.

XX.

Домой пріѣхавъ, пистолеты
Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
Опять ихъ въ ящикъ, и, раздѣтый,
При свѣчкѣ, Шиллера открылъ;
Но мысль одна его объемлетъ;
Въ немъ сердце грустное не дремлетъ:

Съ неизъяснимою красой
Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
Владиміръ книгу закрываетъ,
Беретъ перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучать и льются. Ихъ читаетъ
Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
Какъ Д. пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились;
Я ихъ имѣю; вотъ они:
«Куда, куда вы удалились,
«Весны моей златые дни?
«Что день грядущій мнѣ готовитъ?
«Его мой взоръ напрасно ловитъ,
«Въ глубокой мглѣ таятся онъ.
«Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
«Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
«Иль мимо пролетитъ она,
«Все благо: бдѣнія и сна
«Приходитъ часъ опредѣленный;
«Благословенъ и день заботъ,
«Благословенъ и тмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ завтра лучь денницы
«И заиграетъ яркій день;
«А я — быть можетъ, я гробницы
«Сойду въ таинственную сѣнь,
«И память юнаго поэта
«Поглотить медленная Лета,
«Забудетъ міръ меня; но ты
«Придешь ли, дѣва красоты!
«Слезу пролить надъ ранней урной
«И думать: онъ меня любилъ,
«Онъ мнѣ единой посвятилъ
«Разсвѣтъ печальный жизни бурной! . . .
«Сердечный другъ, желанный другъ,
«Приди, приди: я твой супругъ! . . .»

XXIII.

Такъ онъ писалъ *темно и вяло*
(Что романтизмомъ мы зовѣмъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?)
И наконецъ передъ зарёю,
Склонясь усталой головою,

На модномъ словѣ *идеаль*
Тихонько Ленскій задремаль;
Но только соннымъ обаяньемъ
Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
Въ безмолвный входитъ кабинетъ
И будить Ленскаго воззваньемъ:
«Пора вставать: седьмой ужъ часъ.
«Онѣгинъ вѣрно ждетъ ужъ насъ.»

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгенийъ
Спалъ въ это время мертвымъ сномъ.
Ужé рѣдьютъ ночи тѣни
И встрѣченъ Вespерь пѣтухомъ;
Онѣгинъ спитъ себѣ глубоко.
Ужъ солнце катится высоко
И перелетная мятель
Блестить и вѣтcя; но постель
Еще Евгенийъ не покинулъ,
Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
Вотъ наконецъ проснулся онъ
И полы завѣса раздвинулъ;
Глядитъ — и видитъ, что пора
Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонить. Вбѣгаетъ
Къ нему слуга Французъ Гильо,
Халать и туфли предлагаетъ
И подаетъ ему бельё.

Спѣшитъ Онѣгинъ одѣваться,
Слугѣ велитъ приготовляться
Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать и съ собой
Взять также ящикъ боевой.

Готовы санки бѣговыя.

Онъ сѣлъ, на мѣльницу летитъ.

Примчались. Онъ слугѣ велитъ

Лепажо ⁴⁰ стволы роковые

Нести за нимъ, а лошадямъ

Отѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій

Давно нетерпѣливо ждалъ;

Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,

Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.

Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.

«Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ

Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?
Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
Любилъ методу онъ изъ чувства,
И человѣка растянуть
Онъ позволялъ — не какъ нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искусства,
По всѣмъ преданьямъ старины
(Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

— «Мой секундантъ?» сказалъ Евгений:
«Вотъ онъ: мой другъ, *monsieur Guillot*.
Я не предвижу возраженій
На представленіе мое:
Хоть человѣкъ онъ неизвѣстный,
Но ужъ конечно малый честный.» —
Зарѣцкій губу закусилъ.
Онѣгинъ Ленскаго спросилъ:
— «Что жъ, начинать?» — «Начнемъ, пожалуй,»
Сказалъ Владиміръ. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарѣцкій нашъ и *честный малый*
Вступили въ важный договоръ,
Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно. . .
Не засмѣяться ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтись ль полюбовно? . . .
Но дико свѣтская вражда
Бойтся ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
Гремитъ о шомполь молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣровой
На полку сыплется. Зубчатый,

Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрять съ точностью отмѣнной,
Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь.»

Хладнокровно,

Еще не цѣля, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгенийъ,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ еще ступили,
И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить — но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ. . . Пробили

*

Часы урочные: поэтъ
Роняетъ, молча, пистолетъ,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку.
Такъ медленно по скату горь,
На солнць искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Мгновеннымъ холодомъ облить,
Онѣгинь къ юношѣ спѣшить,
Глядитъ, зоветъ его. . . напрасно:
Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасной
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарь! . . .

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и странень
Быль томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ навьлетъ ранень;
Дымясь, изъ раны кровь текла.

Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семь сердецъ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь:
Теперь, какъ въ домъ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
А гдѣ, Богъ вѣсть. Пропалъ и слѣдъ.

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпитафией
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;

Но отослать его къ отцамъ,
Едва ль пріятно будетъ вамъ?

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ,
Или бездѣлицей иной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ въ досадѣ пылкой
Васъ гордо вызвавшій на бой,
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладѣтъ,
Когда недвижимъ, на землѣ
Предъ вами съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенѣтъ,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызений,
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Ленскаго Евгеній.
«Ну, что жъ? убить,» рѣшилъ сосѣдъ.

Убить! . . Симъ страшнымъ восклицаньемъ
Сражень, Онѣгинъ съ содроганьемъ
Отходить и людей зоветъ.
Зарѣцкій бережно кладетъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везетъ онъ страшный кладъ.
Почуя мертваго, храпять
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальные мочатъ удила,
И полетѣли, какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтъ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Увяль! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,

Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хотъ для славы былъ рождёнъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ времянь,
Благословеніе племень.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта:
Въ немъ пыль души бы охладѣлъ.

Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился,
Въ деревнѣ, счастливъ и рогать,
Носилъ бы стеганый халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И наконецъ въ своей постелѣ
Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

XI.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовникъ молодой,
Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убить пріятельской рукой!
Есть мѣсто: влѣво отъ селенья,
Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
Двѣ сосны корнями срослись;
Подъ ними струйки извились
Ручья сосѣдственной долины.
Тамъ пахарь любить отдыхать,
И жницы въ волны погружать
Приходятъ звонкіе кувшины;

Тамъ у ручья въ тѣни густой
Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинается капать
Весенній дождь на злакъ полей)
Пастухъ, плетя свой пестрый лапотъ,
Поеть про Волжскихъ рыбаблей;
И горожанка молодая,
Въ деревнѣ лѣто провождая,
Когда стремглавъ верхомъ она
Несется по полямъ одна,
Коня предъ нимъ останавливаетъ,
Ремянный поводъ натянувъ,
И, флеръ отъ шляпы отвернувъ,
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надпись — и слеза
Туманить нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,
Въ мечтанье погружаясь, она;
Душа въ ней долго поневоля
Судьбою Ленскаго полна;

И мыслить: «что-то съ Ольгой стало?
Въ ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слезъ прошла пора?
И гдѣ теперь ея сестра?
И гдѣ жъ бѣглець людей и свѣта,
Красавиць модныхъ модный врагъ,
Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
Убійца юнаго поэта?»
Современемъ отчетъ я вамъ
Подробно обо всемъ отдамъ,

XLIII.

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь къ нему конечно,
Но мнѣ теперь не до него.
Лѣта къ суровой прозѣ клонягъ,
Лѣта шалунию риему гонягъ,
И я — со вздохомъ признаюсь —
За ней лѣнивѣй волочусь.
Перу старинной нѣтъ охоты
Марать летучіе листы;
Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы

И въ шумѣ свѣта и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль;
Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,
А старой мнѣ печали жаль.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ ней риема, *младость?*
Ужель и впряду наконецъ
Увяль, увяль ея вѣнецъ?
Ужель и впрямь и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ элегическихъ затѣй,
Весна моихъ промчалась дней
(Что я, шутя, твердилъ досель)?
И ей ужель возврата нѣтъ?
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталь, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!

Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милья мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ,
Я наслаждался. . . и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполненны страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголь чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть

Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Въ семь омутъ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья! ⁴¹

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскашь?

Дмитріевъ.

Какъ не любишь родной Москвы?

Баратынскій.

Гоненье на Москву! что значить видѣшь свѣтъ!
Гдѣ жъ лучше?

Гдѣ насъ ищѣть.

Грибоедовъ.

I.

Гонимы вѣшними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнуть и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣль въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лице мнѣ вѣющей весны,
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуется, живить,
Все, что ликуетъ и блестить,
Наводитъ скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ;
Или, съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной

Мы увяданье нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣтъ?
Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ
Средь поэтическаго сна
Иная, старая весна,
И въ трепеть сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ. . . .

IV.

Вотъ время: добрые лѣнивцы,
Эпикурейцы - мудрецы,
Вы, равнодушные счастливыцы,
Вы, школы Левшина ⁴² итенцы,
Вы, деревенскіе Пріамы,
И вы, чувствительныя дамы,
Весна въ деревню васъ зоветъ,
Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей.
Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ, тяжело нагруженныхъ,
На долгихъ иль на почтовыхъ
Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
Въ своей коляскѣ выписной,
Оставьте градъ неугомонный,
Гдѣ веселились вы зимой;
Съ моею музой своенравной
Пойдемте слушать шумъ дубравной
Надъ безыменной рѣчкой,
Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой,
Отшельникъ праздный и унымой,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
Моей мечтательницы милой;
Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ. . . .
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
Віясь, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
Къ рѣкѣ сквозь липовой лѣсокъ.
Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ; цвѣтетъ шиповникъ,

И слышенъ говоръ ключевой —
Тамъ видѣнъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу надпись говоритъ:
«Владиміръ Ленской здѣсь лежитъ,
«Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
«Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
«Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ
Надъ этой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣнокъ;
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ при лунѣ,
Обнявшись, плакали онѣ.
Но нынѣ... памятникъ унылой
Забить. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ, подъ нимъ, сѣдой и хилой
Пастухъ попережнему поетъ
И обувь бѣдную плететъ

*

VIII. IX. X.

Мой бѣдный Ленской! изнывая,
Не долго плакала она.
Увы! невеста молодая
Своей печали неврѣна.
Другой увлекъ ея вниманье,
Другой успѣлъ ея страданье
Любовной лестью усыпить,
Уланъ умѣлъ ея плѣнить,
Уланъ любимъ ея душою. . . .
И вотъ ужъ съ нимъ предъ алтаремъ
Она стыдливо подъ вѣнцомъ
Стоитъ съ поникшей головою,
Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
Съ улыбкой легкой на устахъ

XI.

Мой бѣдный Ленской! за могилой
Въ предѣлахъ вѣчности глухой
Смутился ли, пѣвецъ унылой,
Измѣны вѣстью роковой,
Или надъ Летой усыпленной
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,

Ужъ не смущается ничѣмъ,
И міръ ему закрыть и нѣмь?
Такъ! равнодушное забвенье
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

ХІІ.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Быль долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо.
Когда всѣ вышли на крыльцо,
И все, прощаясь, суетилось
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ вослѣдъ
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькихъ лѣтъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперстница родная,
Судьбою вдаль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродить;
То смотритъ въ опустѣлый садъ. . . .
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченья не находитъ
Она подавленнымъ слезамъ —
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онѣгинѣ далекомъ
Ей сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть;
Она должна въ немъ ненавидѣть

Убийцу брата своего;
Поэтъ погибъ но ужъ его
Никто не помнитъ, ужъ другому
Его невѣста отдалась
Поэта память пронеслась
Какъ дымъ по небу голубому,
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ. . . . Начто грустить?

XV.

Быль вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы;
Ужъ за рѣкой, дымясь, пылалъ
Огонь рыбацїй. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебряномъ,
Въ свои мечты погружена
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдругъ передъ собою
Съ холма господскїй видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ — и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ея сомнѣнія смущаютъ:
«Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ
Взгляну на домъ, на этотъ садъ.»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ,
Едва дыша; кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ
И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней, лая, кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разогнали псовъ,
Взявъ барыню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барской домъ не льзя ли?»
Спросила Таня. Поскорѣй
Къ Анисѣ дѣти побѣжали,
У ней ключи взять отъ сѣней;
Анисья тотчасъ къ ней явилась
И дверь предъ ними отворилась,

И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ,
На смятомъ канapé лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей: — «а вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ;
Здѣсь почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ
И книжку поутру читалъ. . . .
И старый баринъ здѣсь живалъ;
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть извоилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!» —

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ,
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живитъ.
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подь окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И Лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
Темно въ долинь. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,

И пилигримкѣ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь.
Но прежде просить позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтъ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ,
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой;
И ей открылся мѣръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгенийъ,
Издавна чтенья разлюбилъ,
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Глура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствиіи пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей;
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ,

Бываль Опѣгинъ пораженъ,
Въ чемъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе — слава Богу —
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ? . . .
Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
•Ужели слово найдено?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждуть ее давно,
Гдѣ собралися два сосѣда
И гдѣ объ ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна не дитя,»
Старушка молвила крехтя.
«Вѣдь Олинъка ея моложе.
Пристроить дѣвушку, ей-ей,
Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
Всѣмъ наотрѣзъ одно и то же:
Нейду. И все груститъ она,
Да бродить по лѣсамъ одна.

XXVI.

«Не влюблена ль она? Въ кого же?
Буяновъ сватался: отказъ.
Ивану Пѣтушкову — тоже.
Гусарь Пыхтинъ гостилъ у насъ;
Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!

Я думала: поидеть авось;
Куда! и снова дѣло врозь.»
— »Что жъ, матушка? зачѣмъ же стало?
Въ Москву, на ярмарку невѣсты!
Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣстъ.»
— «Охъ, мой отецъ! доходу мало.»
— «Довольно для одной зимы,
Не то ужъ дамъ хоть я въ займы.» —

XXVII.

Старушка очень полюбила
Совѣтъ разумный и благой;
Сочлась — и тутъ же положила
Въ Москву отправиться зимой —
И Таня слышитъ новость эту.
На судъ взыскательному свѣту
Представить ясныя черты
Провинціальной простоты,
И запоздалые наряды,
И запоздалый складъ рѣчей;
Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды!
О, страхъ! нѣтъ, лучше и вѣрнѣй
Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами.
Теперь она въ поля спѣшитъ
И, умиленными очами
Ихъ озирая, говоритъ:
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мнѣняю милый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ! . . .
Прости жъ и ты, моя свобода!
Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулитъ судьба моя?»—

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмикъ, то ручей
Остановляютъ поневолѣ
Татьяну прелестью своей.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами

Еще бесѣдовать спѣшить,
Но лѣто быстрое летить,
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана
Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ — и вотъ сама
Идетъ волшебница Зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки Зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зиму встрѣчать,
Морозной пылью подышать
И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшень зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просрочень,
Проходитъ и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнь, вновь обить, упрочень
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный, три кибитки
Везуть домашніе пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, тюфяки,
Перины, клѣтки съ цѣтухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачъ:
Ведутъ на дворъ оснадцать клячъ,

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ,
Готовятъ завтракъ повара,
Горой кибитки нагружаютъ,
Бранятся бабы, кучера.
На клячъ тощей и косматой
Сидитъ форрейторъ бородатый.

Сбѣжалась челядь у воротъ
Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и возокъ почтенный,
Скользя, ползеть за ворота.
«Простите, мирныя мѣста!
«Прости, приютъ уединенный!
«Увижу ль васъ?» И слезъ ручей
У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
Отвинемъ болѣе границъ,
Современемъ (по расчисленью
Философическихъ таблицъ,
Льтъ чрезъ пять сотъ) дороги вѣрно
У насъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію здѣсь и тутъ,
Соединивъ, пересѣкутъ.
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнуть широкою дугой,
Развинемъ горы, подъ водой
Пророемъ дерзостныя своды,
И заведетъ крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ.

*

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи ⁴⁵,
Мосты забытые гниють,
На станціяхъ клопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ;
Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной
Высокопарный, но голодной
Для виду преїскурантъ виситъ
И тщетный дразнитъ аппетитъ,
Межъ тѣмъ, какъ сельскіе циклоны
Передъ медлительнымъ огнѣмъ
Россійскимъ лечатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колес
И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной—
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,

И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькають какъ заборъ ⁴⁴.
Къ несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ,
И наша дѣва насладила
Дорожной скукою вполнѣ:
Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церковей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окружень своей дубравой,
Претровскій замокъ. мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенной,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не приѣмный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою.
Отсель, въ думу погружёнъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошолъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо бутки, бабы,

Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ.
И стаи галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходитъ часъ, другой, и вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
Онѣ пріѣхали теперь.
Имъ настежь отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, съдой калмыкѣ.
Встрѣчаетъ ихъ въ гостинной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

Княжна, mon ange! — Pashette! — Алина!
— Кто бь могь подумать? — Какь давно!
На долго ль? — Милая! Кузина!
Садись — какь это мудрено!
Ей Богу, сцена изь романа...
— А это дочь моя, Татьяна. —
Ахь, Таня! подойди ко мнѣ —
Какь будто брежу я во снѣ. . . .
Кузина, помнишь Грандисона? —
Какь, Грандисонь? а, Грандисонь!
Да, помню, помню. Гдѣ же онь? —
«Вь Москвѣ, живетъ у Симеона;
Меня вь сочельникъ навѣстилъ:
Недавно сына онь женилъ.

XLII.

А тотъ но послѣ все расскажемъ.
Не правда ль? Всей ея роднѣ
Мы Таню завтра же покажемъ.
Жаль, развѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;
Едва, едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги;

Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть. . . .
Охъ, силы нѣтъ устала грудь
Мнѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть. . . . душа моя,
Ужъ никуда не годна я. . . .
Подъ старость жизнь такая гадость. . . .»
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогаютъ; но ей
Не хорошо на новосельѣ,
Привыкшей къ горницѣ своей.
Подъ занавѣскою шелковой
Не спится ей въ постель новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели подымаетъ.
Садится Таня у окна.
Рѣдѣть сумракъ; но она
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ: по родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ Таню каждый день
Представитъ бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Роднѣ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?
А я такъ на руки брала!
А я такъ за уши драла!
А я такъ пряникомъ кормила!»
И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно переменъ;
Все въ нихъ на старый образецъ:
У тетушки Княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все то же лжетъ Любовь Петровна,

Иванъ Петровичъ также глупъ,
Семень Петровичъ также скупъ,
У Пелагьи Николавны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушь,
И тотъ же спиць, и тотъ же мужъ;
А онъ, все клуба члень исправный,
Все также смиренъ, также глухъ,
И также всть и пьеть за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимають.
Младья граціи Москвы
Сначала молча озирають
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинціальной и жеманной,
И что - то блѣдной и худой,
А впрочемъ очень недурной;
Потомъ, покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Взбиваютъ кудри ей по модѣ,
И повѣряютъ нараспѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты.
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Потомъ, въ отплату лепетанья,
Ея сердечнаго признанья
Умильно требуютъ онѣ.
Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья,
Не понимаетъ ничего,
И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
Хранить безмолвно между тѣмъ,
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ:
Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клеветаютъ даже скучно;

Въ безплодной сухости рѣчей,
Распросовъ, сплетень и вѣстей,
Не всыпыхнетъ мысли въ цѣмы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

XLIX.

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ,
И про нее между собою
Неблагодарно говорятъ.
Одинъ, какой - то шутъ печальной
Ее находить идеальной,
И, прислонившись у дверей,
Элегію готовить ей.
У скучной тетки Таню встрѣтя,
Къ ней какъ-то В. . . . подсъль
И душу ей занять успѣль.
И близъ него ее замѣтя,
Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машеть мантией мишурной
Она предъ хладною толпой,
Гдѣ Талія тихонько дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внемлетъ,
Гдѣ Терпсихоръ лишь одной
Дивится зритель молодой,
(Что было также въ прежни лѣты,
Во время ваше и мое)
Не обратились на нее
Ни дамъ ревнивые лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ Собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жарь,
Музыки грохоть, свѣчъ блистанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ парь,
Красавицъ легкіе уборы,

Людьми пестряющие хоры,
Невѣсть обширный полукругъ,
Всѣ чувства поражаетъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ франты записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.
Сюда гусары отпускные
Спѣшать явиться, прогремѣть,
Блеснуть, пльнуть и улетѣть.

III.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ.
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна
Средь женъ и дѣвъ блеститъ одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томень взоръ ея чудесной!

Но полно, полно; перестань:
Ты заплатилъ безумству дань.

LIII.

Шумъ, хохоть, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ Межъ тѣмъ,
Между двухъ тетокъ, у колонны,
Не замѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотреть и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ;
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродить:
Забыть и свѣтъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводить

Какой-то важный Генераль.
Другъ другу тетушки мигнули,
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
— «Взгляни налѣво поскорѣй.»
— «Налѣво? гдѣ? что тамъ такое?»
— «Ну, что бы ни было, гляди. . . .
Въ той кучкѣ, видишь? впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое
Вотъ отошелъ вотъ бокомъ сталъ. . . .»
— «Кто? толстый этотъ Генераль?» —

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою.
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою. . . .
Да кстати, здѣсь о томъ два слова:
Пою пріятеля младова
И множество его прихудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая Муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,

Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривь.

Довольно. Съ плечь долой обуза!

Я классицизму отдалъ честь:

Хоть поздно, а вступленье есть.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.

Вирон.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сілвшихъ въ тишинѣ,
Являться Муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: Муза въ ней
Открыла пиръ молодыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

*

II.

И свѣтъ ея съ улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ нашъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ нашъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволь,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я Музу рѣвую привёлъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ:

И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ Вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась —
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтренной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдаль бѣжалъ... она за мной.
Какъ часто ласковая Муза
Мнѣ услаждала путь нѣмой
Волшебствомъ тайнаго разказа!
Какъ часто, по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопоть Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальней
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племень бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ степи ей любезной . . .
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моёмъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ Французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ Музу я впервые
На свѣтскій раугъ ⁴⁵ привожу;
На прелести ея степныя
Съ ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тѣсный рядъ Аристократовъ,
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ

И гордыхъ дамъ она скользитъ,
Вотъ съѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣсною,
Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчинъ
Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной
Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто въ толпѣ избранной
Стоитъ безмолвный и туманной?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣнй?
Что, сплннй иль страдающая спѣсь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто онъ таковъ? Ужель Евгенийъ?
Ужели онъ? . . . Такъ, точно онъ.
— Давно ли къ намъ онъ занесѣнъ?

VIII.

Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжѣй,
Иль маской щегольнетъ иной.
Иль просто будетъ добрый малой,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалою.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ . . .
— Знакомъ онъ вамъ? — И да и нѣтъ.

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагоклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За толь, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность

Иль оскорбляетъ иль смѣшить,
Что умъ, любя просторъ, тѣснить,
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто вѣремя созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ,
Кто страннымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался,
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человекъ.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Итти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,

Иль даже Демономъ моимъ.
Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ переменѣ мѣстъ
(Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ).
Оставилъ онъ свое селенье,
Лѣсовъ и нивъ уединенье,
Гдѣ окровавленная тѣнь
Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли
Доступный чувству одному;
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтѣ, надоѣли;
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
По залъ шопоть пробѣжалъ . . .
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный Генераль.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй. . .
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du somme il faut . . . ***, прости:
Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взоръ ея очей;
Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залъ: и всѣхъ выше

И носъ и плеча подымалъ
Вошедшій съ нею Генераль.
Никто бѣ не могъ ее прекрасной
Назвать; но съ головы до ногъ
Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высококъ, Лондонскомъ кругу
Зовется vulgar. Не могу. . .

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести:
Оно у насъ покаместъ ново,
И врядъ ли быть ему въ чести.
Оно бѣ годилось въ эпиграммѣ. . . .
Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
Безпечной прелестью мила,
Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:
И вѣрно бѣ согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить сосѣдку не могла,
Хоть ослѣзительна была.

XVII.

«Ужели,» думаетъ Евгеній:
«Ужели она? Но точно... Нѣтъ...
Какъ! изъ глуши степныхъ селеній. . .»
И неотвязчивый лорнетъ
Онъ обращаетъ поминутно
На ту, чей видъ напомнилъ смутно
Ему забытыя черты.
«Скажи мнѣ, Князь, не знаешь ты,
Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
Съ Посломъ Испанскимъ говоритъ?»
Князь на Онѣгина глядитъ.
— «Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
Постой, тебя представлю я.»
— «Да кто жъ она?» — «Жена моя.»

XVIII.

— «Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
Давно ли?» — «Около двухъ лѣтъ.»
— «На комъ?» — «На Лариной.» — «Татьянѣ!»
— «Ты ей знакомъ?» — «Я имъ сосѣдъ.»
— «О, такъ пойдемъ же.» — Князь подходитъ
Къ своей женѣ, и ей подводитъ

Родню и друга своего.
Княгиня смотреть на него. . .
И что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ,
Быль также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей - ей! не то, чтобъ содрогнулась,
Иль стала вдругъ блѣдна, красна . . .
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣль нельзя прилѣжнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онѣгинъ обрести.
Съ ней рѣчь хотѣль онъ завести
И — и не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ
И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ . . .
И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу нравоученья,
Читалъ когда-то наставленья, —
Та, отъ которой онъ хранить
Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
Гдѣ все наружъ, все наволъ,
Та дѣвочка . . . иль это сонъ? . . .
Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Ужели съ нимъ сей часъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ рауть тѣсный,
Домой задумчивъ ѣдетъ онъ;
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревожень поздній сонъ.
Проснулся онъ; ему приносятъ
Письмо: Князь N покорно проситъ

Его на вечерь.. — «Боже! къ ней! . . .
О буду, буду!» — и скорый
Мараегъ онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? въ какомъ онъ странномъ снѣ!
Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности — любовь?

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,
Вновь не дождется дня конца.
Но десять бѣтъ; онъ выѣзжаетъ,
Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца,
Онъ съ трепетомъ къ Княгинѣ входитъ;
Татьяну онъ одну находитъ
И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
Они сидятъ. Слова нейдутъ
Изъ устъ Онѣгина. Угрюмой,
Неловкій, онъ едва, едва
Ей отвѣчаетъ. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотритъ онъ: она
Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходить мужъ. Онъ прерываетъ
Сей неприятный tête à tête;
Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
Они смѣются. Входятъ гости.
Вотъ крупной солью свѣтской злости
Сталь оживляться разговоръ;
Передъ хозяйкой легкой вздоръ
Сверкаль безъ глунаго жеманства,
И прерываль его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педанства,
И не пугаль ни чьихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Туть былъ однако цвѣтъ столицы,
И знать и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы;
Туть были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, свиду злыя;

Туть было нѣсколько дѣвиць,
Не улыбающихся лицъ;
Туть былъ Посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Туть былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, постарому шутившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Туть былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господинъ:
На чай хозяйскій слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
На ложъ журналовъ, на войну,
На снѣгъ и на свою жену.

.....
.....
.....
.....
.....
.....

*

XXVI.

Тутъ былъ * * *, заслужившій
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
St.-P**, твои карандаши;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной
Стоялъ картинкою журнальной,
Румянь — какъ вербный херувимъ,
Затянуть, нѣмъ и недвижимъ,
И путешественникъ залѣтной,
Перекрахмаленный нахаль,
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
Своей осанкою заботной,
И молча обвиненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлой
Татьяной занять былъ одной,
Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною Княгиней,
Но неприступною богиней

Роскошной, царственной Невы.
О, люди! всё похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто бѣ смѣлъ искать дѣвчонки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залѣ?
И онъ ей сердце волновалъ!
Объ немъ она во мракъ ночи,
Пока Морфей не прилетитъ,
Бывало, дѣвственно груститъ,
Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
Мечтая съ нимъ, когда нибудь
Свершитъ смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зрѣютъ —
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и бесплодной,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печалень страсти мертвой слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгенийъ
Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;
Въ тоскѣ любовныхъ помышлений
И день и ночь проводить онъ.
Ума не внемля строгимъ пѣнямъ,
Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣнямъ

Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится какъ тѣнь;
Онъ счастливъ, если ей накинеть
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
Или платокъ подыметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
Какъ онъ ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ нимъ молвить слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
Порою вовсе не замѣтитъ:
Кокетства въ ней ни капли нѣтъ —
Его не терпитъ высшій свѣтъ.
Блѣднѣтъ Онѣгинъ начинается:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онѣгинъ сохнетъ, и едва ль
Ужъ не чахоткою страдаетъ.
Всѣ шлютъ Онѣгина къ врачамъ,
Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

А онъ не ъдетъ; онъ заранѣ
Писать ко прадѣдамъ готовъ
О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ
И дѣла нѣтъ (ихъ полъ таковъ);
А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,
Еще надѣется, хлопочетъ;
Смѣлѣй здороваго, больной
Клягинѣ слабою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ невогще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему не въ мочь,
Вотъ вамъ письмо его точъ въ точъ.

Письмо Онъгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбить
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразить!
Чего хочу? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?»

Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!

«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ:
Привычкѣ милой не далъ ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлучило.
Несчастной жертвой Ленскій палъ. . .
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку усть, движеніе глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,

Блѣднѣть и гаснуть . . . вотъ блаженство!

«И я лишень того: для васъ
Тащусь повсюду наудачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я. . .

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидить вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной —
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пѣни,
Все, все, что выразить бы могъ,

А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружать и рѣчь и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ! . .

«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.» —

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье:
Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ... ему
Она на встрѣчу. Какъ сурова!
Его не видятъ, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямья хотятъ!
Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
На семь лицъ лишь гнѣва слѣдъ. . .

XXXIV.

Да, можетъ быть, боязни тайной,
Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
Проказы, слабости случайной.
Всего, что мой Онѣгинъ зналъ.
Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
Свое безумство проклинаятъ —
И, въ немъ глубоко погружень,
Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за воротъ взяла
И въ темный уголь заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Stael, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Беля,
Прочелъ творенья Фонтенеля,

Прочель изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такіе мадригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда,
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то опъ
Былъ совершенно углублёнъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ Воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгъ,
Какъ будто спящій на ночлегъ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: что жь? убить!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ, и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ,
То сельскій домъ — и у окна
Сидитъ *она* . . . и все она! . . .

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Что чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-то бѣ одолжилъ!
А точно: силой магнетизма
Стиховъ Россійскихъ механизма

Едва въ то время не постигъ
Мой безтолковый ученикъ.
Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
И передъ нимъ пылалъ каминъ,
И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
Иль *Jdol mio*, и ронялъ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтомъ
Ужъ разрѣшалася зима;
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живить его: впервые
Свои покои запертые,
Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
Двойныя окна, камелекъ
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ,
Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремить Онѣгинъ? Вы заранѣ
Ужь угадали; точно такъ:
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ
Мой неисправленный чудакъ.
Идетъ, на мертвеца похожій.
Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу; дальше: никого.
Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ, одна,
Сидитъ, не убрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ!
Кто прежней Тани, блѣдной Тани
Теперь въ Княгинѣ бъ не узналъ!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгеній;

Она вздрогнула, и молчить,
И на Онѣгина глядитъ
Безъ удивленія, безъ гнѣва. . .
Его больной, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ,
Ей внятно все. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять воскресла въ ней.

XLII.

Она его не подымаетъ,
И, не сводя съ него очей,
Отъ жадныхъ устъ не отымаешь
Безчувственной руки своей. . .
О чемъ теперь ея мечтанье? . . .
Проходитъ долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала л?
Сего дня очередь моя.

XLIII.

«Онѣгинь, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче — Боже! — стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь. . . Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой. . .

XLIV.

«Тогда — не правда ли? — въ пустынь,
Вдали отъ суетной Молвы,
Я вамъ не нравилась. . . Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ

Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ Дворь?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу. . . Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ. . .
А нынче! — что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?»

*

XLVI.

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечеря,
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моею. . .

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко! . . . Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній

Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны. . .
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.» —

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгенийъ,
Какъ будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
Но шпоръ незапный звонъ раздался,
И мужъ Татьянинъ показался,
И здѣсь героя моего,
Въ минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ,
Надолго. . . навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по свѣту. Поздравимъ

Другъ друга съ берегомъ. Ура!
Давно бѣ (не правда ли?) пора!

XLIX.

Кто бѣ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ,
Воспоминаній ли мятежныхъ,
Отдохновенья ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
Хотя крупицу могъ найти.
Засимъ разстанемся, прости!

L.

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеаль,
И ты, живой и постоянный,

Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явились впервые мнѣ —
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще не ясно различалъ.

II.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ. . .
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А та, съ которой образованъ
Татьяны милый идеалъ. . .
О, много, много рокъ отъялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна

Бокала полного вина,
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

К о н е ц ъ .

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ЕВГЕНІЮ ОНЪГИНУ.

1. Писано въ Бессарабіи.
2. Dandy, францъ.
3. Шляпа à la Volivar.
4. Извѣстный респораторъ.
5. Черта охлажденнаго чувства, достойная Чальдъ-Гарольда. Балеты Г. Дидло исполнены живоспи воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находимъ въ нихъ гораздо болѣе Поэзи, нежели во всей Французской Литературѣ.

6. Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyois rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.

(Confessions de I. I. Rousseau).

Гримъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистятъ ногти особею щеточкой.

7 Вся сія ироническая строфа не что иное, как тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественницамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалять Людовика XIV. Наши дамы соединяють просвѣщеніе съ любезностію и строгую чистоту нравовъ съ эпою воспомочной прелестію, столь плѣнившею Г-жу Спаль.

(См. *Dix ans d'exil.*)

8. Читатели помнятъ прелестное описаніе Пешербургской ночи въ идилліи Гнѣдича:

«Вотъ ночь: но не меркнутъ златистыя полосы облакъ.
 Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряется дальностью;
 На взморьѣ далекомъ сребристыя видны въприла
 Чуть видныхъ судовъ, какъ по синему небу плывущихъ.
 Сіянемъ безсумрачнымъ небо ночное сіяетъ,
 И пурпуръ закапа сливается съ златомъ воспока:
 Какъ будно девница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ.
 Румяное ушро. Была то година златая,
 Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи,
 Какъ взоръ нпоземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
 Сіянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
 Какимъ никогда не украшено небо полудня;
 Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
 Которой глаза голубые и алія щеки
 Едва спѣняются русыми локонамъ волнами.
 Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Пешрополемъ видятъ
 Безъ сумрака вечеръ и бысприя ночи безъ тѣни;
 Тогда Филомела полночныя пѣсни лишь кончивъ,
 И пѣсни заводитъ, привѣтспивуя день восходящій.
 Но поздно; повѣяла свѣжеспъ на Невскія шудры;
 Роса опуслилась;
 Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячею весель;
 Нева не колыхнетъ; разѣхались гости градскіе;
 Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все шихо:

Лишь изрѣдка гуль опъ мостовъ пробъжитъ надъ водою;
Лишь крикъ протяженный изъ дальней промчнся деревни,
Гдѣ въ ночь окликается ранняя спража со спражей.
Все спитъ »

9. Въявь богиню благосклонну
Зришь воспорженный пиншъ,
Что проводишь ночь безсонну,
Опершися на грапинь.

(*Муравьевъ. Богиня Невы*).

10. Писано въ Одессѣ.

11. Авторъ, со стороны машери, происхожденія
Африканскаго.

12. Изъ первой части Днѣпровской Русалки.

13. Сладкозвучнѣйшія Греческія имена, каковы,
напримѣръ: Агаеонъ, Филашъ, Федора, Фекла и
проч., употребляюшся у насъ только между
простолюдинами.

14. Грандисопъ и Ловласъ, герои двухъ славныхъ
романовъ.

15. Si j'avois la folie de croire encore au bon-
heur, je le chercherois dans l'habitude. (Шато-
брианъ).

16. Бѣдный Юрикъ!— восклицаніе Гамлета надъ
черепомъ шута. (См. Шекспира и Стерна.)

17. Въ прежнемъ изданіи, вмѣсто *домой летятъ*,
было ошибкою напечатано *зимой летятъ* (что
не имѣло никакого смысла). Криптики, погов не
разобравъ, находят анахронизмъ въ слѣдующихъ
спрофахъ. Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ
романѣ время расчислено по календарю.

18. Юлія Вольмаръ, новая Элоиза. Малекъ-Адель, герой посредственнаго романа М-е Cottin. Густавъ де Линноръ, герой прелестной повѣсти Баронессы Крюднеръ.
19. Вампиръ, повѣсть, неправильно приписанная Лорду Байрону. Мельмопъ, гениальное произведение Машюрина. Jean Sbogar, извѣстный романъ Карла Нодье.
20. *Lasciate ogni speranza voi ch'ntrate.* Скромный Авторъ нашъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.
21. Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся передъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ гулялъ.
22. Е. А. Баратынскій.
23. Четвертая и пятая Главы вышли въ свѣтъ, съ слѣдующимъ посвященіемъ П. А. Плещеву:

Не мысля гордый свѣтъ забавишь,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ предсавцшь
Залогъ достойнѣе тебѣ,
Достойнѣе души прекрасной,
Святоисполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и проспомы;
Но такъ и бышь — рукой пристрастной
Прими собранье песпрыхъ главъ,
Полу-смѣшныхъ, полу-печальныхъ,
Проспонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,

Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣтъ.

24. Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать *дѣвою* простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы *дѣвонками!*
25. «Эпо значить», замѣчаютъ одинъ изъ нашихъ кришниковъ: «что мальчишки кашающа на конькахъ.» Справедливо.
26. Въ льта красныя мои
Поэтический Ан
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви
Или юности безумной, и проч.
(*Посланіе къ Л. П.*)
27. Августъ Лафонтенъ, Авшоръ множества семейственныхъ романовъ.
28. Смори: *Первый Сильсъ*, стихотвореніе Князя Виземскаго.
29. См. описанія Финляндской Зимы въ Эдѣ Барашинскаго.
30. Зоветь котъ кошку
Въ печурку спать.
Предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.
31. Такимъ образомъ узнають имя будущаго жениха.
32. Въ журналахъ осуждали слова: *хлѣвъ, мольвъ и топъ*, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренныя Русскія. «Вышелъ Бова изъ шапра прохладисься и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую мольвъ и конскій шопъ.» (*Сказка о Бовѣ*)

Королевиль.) *Хлопъ* упошребляется въ просторѣчїи вмѣсто *хлопаніе*, какъ *шипъ* вмѣсто *шипѣнія*.

Онъ шипъ пустиль по змвиному.

(*Древнія Русскія стихотворенія.*)

Не должно мѣшать свободѣ нашего богачаго и прекраснаго языка.

33. Одинъ изъ нашихъ криптиковъ, кажешся, находитъ въ энихъ стихахъ непоняпную для насъ неблагоприспойность.

34. Гадашельныя книги издаюпся у насъ подѣ фирмою Марпшына Задеки, почтешнаго человѣка, не писавшаго никогда гадашельныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. М. Федоровъ.

35. Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:

Заря багряною рукою

Опѣ упренныхъ спокойныхъ водъ

Выводитъ съ солнцемъ за собою, — и проч.

36. Буяновъ, мой сосѣдъ,

Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,

Расстрепанный, въ пуху, въ карпузѣ съ козырькомъ. . . .

(*Опасный Сосѣдъ.*)

37. Наши криптики, вѣрные почтешатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

38. Парижскій рестораторъ.

39. Стихъ Грибоѣдова.

40. Славный ружейный мастеръ.

41. Въ первомъ изданіи шестая Глава оканчивалась слѣдующимъ образомъ:

А ты, младое вдохновење,

Волнуй мое воображенье,

Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголь чаще прилетай,
Не дай осыпть душъ поэта,
Ожесточисься, очерствьсь,
И наконецъ окаменьтъ
Въ мертващемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ мунцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокешокъ богомольныхъ,
Среди холоповъ добровольныхъ,
Среди всѣдневныхъ, модныхъ сценъ
Учпивыхъ, ласковыхъ пзмѣлъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестюкосердой суеты,
Среди досадной пуспоты
Расчесовъ, душъ и разговоровъ,
Въ семь омуштъ, гдѣ съ вами я
Кушаюсь, милые друзья.

42. Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

43. Дороги наши — садъ для глазъ:
Деревья, съ дерпомъ валъ, канавы,
Работы много, много славы,
Да жаль, провъзда нѣтъ подъ часъ.
Съ деревьевъ, на часахъ сплющихъ,
Провъзимъ мало барыша;
Дорога, скажешь, хороша —
И вспомнишь спихъ: *для проходящихъ!*
Свободна Русская ѣзда
Въ двухъ шолько случаяхъ: когда

Нашъ *Макъ-Адамъ*, или *Макъ-Ева*
Зима свершинъ, преща ошъ гяѣва,
Опуспошнпелный набѣгъ,
Пушь окуешъ чугуномъ льдиснымъ,
И запорошинъ ранній снѣгъ
Слѣды ея пескомъ пушистымъ.
Или когда поля проймѣшь
Такая знойная засуха,
Чино черезъ лужу можешъ въ бродъ
Пройши, глаза зажмуря, муха.

(Станція. *Князь Вяземскій*.)

44. Сравненіе, заимствованное у К**, столь
известнаго игривостію воображенія. К . . .
разсказывалъ, что будучи однажды посланъ
курьеромъ ошъ Князя Подемкина къ Импера-
трицѣ, онъ ѣхалъ шакъ скоро, что шпага
его, высунувшись концемъ изъ шельжки, спу-
чала по вершамъ, какъ по часпоколу.
45. Rout , вечернее собраніе безъ шанцевъ
собственно значить шолпа.
-

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

ОНЪГИНА.

Последняя Глава Евгенія Онъгина изда-на была особо, съ слѣдующимъ предисло-віемъ:

«Пропущенныя спрофы подавали неодно-кратно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и оспро-умнымъ). Авторъ чистосердечно признает-ся, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую Главу, въ коей описано было пу-тешествіе Онъгина по Россіи. Отъ него зави-сѣло означить сію выпущенную Главу поч-ками или цифромъ; но въ избѣжаніе соблаз-на, рѣшился онъ лучше высказать, вмѣсто девяятаго нумера, осмой надъ послѣдней Гла-вою Евгенія Онъгина, и пожертвовалъ одною изъ окончательныхъ спрофъ:

Пора: перо покоя просить;

Я девять пѣсень написалъ;

На берегъ радостный выноситьъ

Мою ладью девятый валъ —

Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»

П. А. Капенинъ (коему прекрасный поэтический палантъ не мѣшася бытъ и понкимъ крипникомъ) замѣнилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ бытъ и выгодное для чипашелей, вредигъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія; ибо чрезъ по переходъ опъ Ташьяны, уѣздой барышни, къ Ташьянѣ, знашней дамѣ, спановишся слшшкомъ неожиданнымъ и необьясненнымъ. — Замѣчаніе, обличающее опышнаго художника. Авпоръ самъ чувспвовалъ справедливостъ онаго, но рѣшилса вынуститъ эпу Главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкопорые опривки были напечапаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокуиивъ къ нимъ еще нѣсколько спрочъ.

Е. Онегинъ изъ Москвы ѣдепъ въ Нижній Новгородъ:

. передъ нимъ
Макарьевъ суетно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ.
Сюда жемчугъ привезъ Индеецъ,
Поддѣльны вины Европеецъ.
Табуиъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей,
Игрокъ привезъ свои колоды

И горсть услужливыхъ костей,
Помѣщикъ спѣлыхъ дочерей,
А дочки — прошлогодни моды.
Всякъ суетится, жетъ за двухъ
И всюду меркантильный духъ.

*

Тоска! . . .

Онѣгинъ ѣдешь въ Аспрахань, и опшуда
на Кавказъ.

Онъ видитъ, Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ парить орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюды лежатъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вокругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы Калмыковъ,
Въ дали — Кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась
брань
За ихъ естественную грань,
Чрезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры

*

Узрѣли Русскіе шатры.

*

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто Почечуя, кто Киприды;
Страдалецъ мыслить жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
Кокетка, злыхъ годовъ обиды
На днѣ оставить, а старикъ
Помолодѣть — хотя на мигъ.

*

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи
И мыслить, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?

Зачѣмъ не хилой я старикъ,
Какъ этотъ бѣднѣйшій откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ Тульскій Засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждать? тоска, тоска! . . .

Онѣгинъ посѣщаетъ попомъ Тавриду:
Воображенью край священный:
Съ Атридомъ спорить тамъ Пиладъ,
Тамъ заколося Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
И, посреди прибрежныхъ скалъ,
Свою Литву воспоминалъ.

*

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горъ,

Долинъ, деревьевъ, сель узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснялась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

*

Какія бѣ чувства ни таились,
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли или измѣнились
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груди скаль,
И гордой дѣвы идеаль,
И безыменныя страданья. . . .
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтической бокаль
Воды я много подмѣнאלъ.

*

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣною ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.
Мой идеаль теперь — хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да шей горшокъ, да самъ большой.

*

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скотный дворъ. . .
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, разцвѣтая?
Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,

Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ.
Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
Спустя три года, вслѣдъ за мною,
Скитаясь въ той же сторонѣ,
Онѣгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

*

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной....
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все блещетъ Югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италиі златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

*

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ,

Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взиралъ.
Пріѣхавъ онъ прямымъ Поэтомъ,
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ — и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады Одесскіе прославилъ.
Все хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ;
Кой-гдѣ недавній трудъ заставилъ
Младыя вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.

★

А гдѣ, бишь, мой рассказъ несвязной?
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
Я бѣ могъ сказать: въ Одессѣ грязной —
И тутъ бы право не солгалъ.
Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волю бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ дома на аршинъ загрязнутъ,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ

По улицѣ дерзаетъ въ бродь;
Кореты, люди тонуть, вязнуть,
И въ дрожкахъ воль, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня.

*

Но ужъ дробить каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованной броней.
Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важной;
Чегобъ вы думали? — воды.
Потребны тяжкіе труды.....
Что жъ? это небольшое горе?
Особенно, когда вино
Безъ пошлины привезено.
Но солнце южное, но море. . .
Чего жъ вамъ болѣе, друзья?
Благословенные края!

*

Бывало, пушка зарева
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгал,

Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленной,
Какъ Мусульманъ въ своемъ раю,
Съ Восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открыть Casino; чашекъ звонъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркёръ выходитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

*

Глядишь и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя расчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлють ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?

Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

*

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устриць ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? пришли! О радости!
Летить обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызгнутыхъ лимономъ.
Шумъ, споры — легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Отономъ; (*)
Часы летять, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растеть.

*

(*) Извѣстный рестораторъ въ Одессѣ.

Но ужь темвѣтъ вечерь синій,
Пора намъ въ Оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей.
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,
Онъ звуки льетъ — они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуй молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго Аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?

*

А только ль тамъ очарованій?
А разыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья?
А prima dona? а балетъ?
А ложа, гдѣ красой блистая,
Негоціанка молодая,
Самолюбива и томна,

Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ и не внемлетъ
И каватинъ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ
А мужъ — въ углу за нею дремлетъ
Въ просонкахъ фора закричить,
Зѣвнетъ и — снова захрапить.

*

Финаль гремитъ; пустѣетъ зала;
Шумя, торопится разѣздъ ;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ,
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его невольно затвердивъ,
А мы режемъ речитативъ.
Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
И бездыханна и тепла.
Нѣмая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ;

Лишь море Черное шумить

★

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ

ПРОДАЕТСЯ:

Въ книжномъ магазинъ А. Смирдина.

Цѣна 12 рублей.